



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НИК
ПЕРУМОВ

АЛЕКСАНДРОВСКИЕ
КАДЕТЫ
СМУТА. ТОМ 2

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Ник Перумов

**Александровские
Кадеты. Смута. Том 2**

«Эксмо»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Александровские Кадеты. Смута. Том 2 / Н. Перумов —
«Эксмо», 2024 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-196559-4

Ник Перумов известен всем поклонникам фэнтези и фантастики, на его книгах выросло два поколения. Распроданы миллионы экземпляров его книг. Новый роман «Смута» — вторая и завершающая книга дилогии «Александровские кадеты». Увлекательная история о бравых ребятах из кадетского корпуса, которые оказались на перекрестке времён, где им встречаются люди из самых разных эпох, одержимые собственными идеями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196559-4

© Перумов Н., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 8	6
Интерлюдия	27
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ник Перумов

Александровские Кадеты

Смута. Том 2

© Перумов Н., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 8

Южные края и северные, весна – лето 1915

15-я стрелковая дивизия занимала оборону. Балка, в ней узкий ручеёк, уже начавший вздвигаться от талых вод. Хутор в центре позиции, фланги упирались в глубокие овраги. Справа и слева тоже не голое поле, там встали спешно переброшенные с западного фланга Южфронта дивизии. Правда, было их мало, не все успели подтянуться. Но и те, что успели, пришли в неплохом виде – пополненные из числа «сознательного пролетариата и беднейшего крестьянства», хорошо вооружённые: винтовок и пулемётов хватало, мало было новейших «автоматов Фёдорова», но это и к лучшему, простому бойцу они сложноваты.

Траншеи и окопы мигом заполнялись водой, стоять в них приходилось хорошо если по щиколотку, и красноармейцы стягивались к постройкам, где было, по крайней мере, сухо.

От Миллерово, казалось бы, всего ничего, и фронт беляки прорвали сразу на большую глубину, но увязли, передовые части до конца выполнили свой пролетарский долг – как могли задерживали царские войска и таки задержали, почти полностью погибнув, изрубленные улаговской конницей.

Плохо было то, что в тылу так и не удалось справиться с мятежниками. Наступление на Вёшенскую и вовсе пришлось остановить, продотряды вливались в регулярные красные полки; восставшие казаки приободрились, вылезли из станиц, всё смелее и смелее нападали на тылы, обозы, громили ревкомы; у Бешанова нашлись подражатели, счёт «расстрелянным при сопротивлении изъятию хлеба» шёл на сотни, и казаки тоже зверели.

Жадов, хоть и начдив, вернулся с последнего похода за провиантом чернее тучи.

– Опять отряд наш попался, – выдохнул он в ответ на немой вопрос Ирины Ивановны. – Хлеб растащили, охрану разогнали, кто жив остался, а вот комиссара... – тут он вздрогнул, зябко повёл плечами. – Ирина Ивановна, дорогая... обещай мне, что, обернись дело полным швахом и не найдётся у меня последнего патрона или гранаты – обещай, что пристрелишь. Я знаю, ты не промахнёшься. Прямо в лоб попадешь, или в висок, или в сердце. Я и не почувствую ничего. Раз – и уже там.

– Перестань, Миша, – Ирина Ивановна встала, коснулась на миг его локтя. – Всё будет хорошо. Все останемся живы. И ты, и я. Верь мне.

– Верю, – совсем по-детски вздохнул Жадов. – Тебе – верю. Маленьким был – в Бога так не верил, как в тебя.

Ирина Ивановна на миг зажмурилась, острые тёмные морщины вдруг прорезали лицо; хорошо, что начдив-15 смотрел при этом в другую сторону.

Но когда она вновь открыла глаза, никаких следов накатившего уже не осталось.

– Всё будет хорошо, – повторила Ирина Ивановна. – Скажи, комиссара этого...

Жадов поморщился.

– Тешились казачки, что сказать... медленно умереть не дали.

– Фамилия его как? – не отступала Ирина Ивановна.

– Пархоменко.

Брови Ирины Ивановны сдвинулись.

– Иван? Да как же он ухитрился-то?!

– И на старуху проруха выходит... мельника они казнили, что хлеб прятал. Большая яма была, на много пудов. Ну и... и...

– А у мельника небось жена. И дочки на выданье. Были... Договаривай уж, Миша. Изнасиловали их всех, да и убили. И хорошо ещё, если просто застрелили...

– Да, – с болью вырвалось у Жадова. – Ну как так-то?! Ладно, казачня эта, нагаечники, они иногородних всегда ненавидели... отчего и лупили нас почём зря на маёвках... но наши-то?! Наши-то как?!

– Наши тоже люди, – тихо сказала Ирина Ивановна. – Люди, не ангелы. Женщин на войне насиловали всегда. И убивали после насилия тоже.

– Так то всякий сброд! Буржуйские армии!

– А кто в них служил? Кто в солдатах-то был? Такие ж рабочие, такие же пахари. Не только «деклассированный элемент».

– Эх! – Жадов в сердцах махнул рукой, почти рухнул на лавку. – Долго нам ещё нового человека создавать придётся...

– Так чего ж создавать, я перед собой одного такого вот и вижу, – чуть улыбнулась Ирина Ивановна. – Ты-то, Миша, с пригожей вдовушкой тюфячки давить не станешь.

Жадов аж съёжился.

– Да как же я б смог... когда я... когда ты... когда я тебе...

– Вот потому-то ты и есть тот самый новый человек. – Ирина Ивановна наставительно указала пальцем. – Да-да, Миша. Тот самый. Который хлеб голодным отдаст, последнюю рубаху снимет, жизнью за справедливость пожертвует. Всем – всё, себе – ничего. Эх, Миша, кабы все большевики такими, как ты, оказались бы!.. А они сам знаешь что...

– Да беляки что же, лучше?! – горячо возразил начдив. – Тоже слышаны! И хлеб отбирают, и расстреливают, и вешают!

Ирина Ивановна грустно кивнула.

– Звереют люди, Миша, вот что печально. Даже нет, не звереют. Звери друг друга сознательно не мучают. Убивают – так уж убивают. Для еды, детёнышей прокормить. А мы... – она только головой покачала. – Счастье ещё, что наша дивизия не опозорилась.

– Питерскому полку спасибо. Сознательные ребята. Харьковские, то ж такэ... – вздохнул Жадов.

– То ж такэ, товарищ начдив, а дивизия меж тем готова к отражению вражеского наступления. Сами проедетесь по позиции?

– Если мой начштаба говорит, что готова, – значит, готова. Как там этот... Штокштейн? Хоть одного шпиона поймал?

– Как не поймать, – холодно сказала Ирина Ивановна. – Уже с полдюжины. Если б не я – всех бы уже расстрелял.

Жадов аж поперхнулся.

– А почему мне не доложили?!

– О чём? Хватает он бойца, сажает под замок и начинает, как он выражается, «раскалывать» – признавайся, мол, что ты агент беляков, не то к стенке. Сам знаешь, какая у него слава пошла, у Штокштейна.

– И что, признаются? – мрачно осведомился начдив.

– Конечно. Пока я не вмешалась. Со взводом надёжных питерских ребят.

– И молчала!

– Хороший начштаба начальника дивизии по пустякам беспокоить не должен.

– Ничего себе! Ирина Ивановна, товарищ Шульц, приказываю вам впредь мне всё докладывать, ничего не упускать!

– Есть не упускать, товарищ начдив. В общем, всех задержанных я отбила. А Эммануилу Иоганновичу сказала: «Wenn Sie mit dieser Praxis nicht aufhören, werden unsere Soldaten Sie eines Tages zwingen, Kuhdung zu essen».

– Это что значит?

- Не суть, товарищ Михаил. Он понял. Тебя же не беспокоит, верно?
- Вот оно-то мне и не нравится... Что с разведкой?
- Вернулись. Против нас кубанские добровольцы, Ейский полк и Екатеринодарский.
- Ух ты. Цельная дивизия!
- Нет, товарищ начдив, едва ли половина от нашей наберётся.
- Так это и хорошо. Значит, не полезут, – повеселел Жадов.
- Наоборот, плохо. Не нравится мне, Миша, когда против нас так мало сил оставляют.

Больше на заслон похоже. Полезут в другом месте, прорвутся, зайдут нам в спину...

И тут, словно отвечая, где-то совсем неподалёку разорвалась шрапнель.

– Не полезут... – скривился Жадов. Накинул шинель и бросился на улицу.

От позиций добровольцев двигалась редкая цепь пехоты, над окопами красных рвались шрапнели, артиллерия белых била с закрытых позиций и с неприятной точностью.

Батарея 15-й дивизии попыталась отвечать по приближающейся пехоте, но артиллерийские наблюдатели у «контры» всегда были отличные, и огонь они перенесли почти тотчас.

...Михаил Жадов этого не знал, но именно так сперва японская артиллерия расстреливала нашу, с закрытых позиций, выдвинув вперёд дозорных с полевыми телефонами.

Цепи добровольцев прошли какое-то расстояние, иные жадные до боя бойцы красных открыли пальбу, но с такой дистанции попасть можно было разве что случайно.

– Смотри-ка, залегли, – удивился Жадов, опуская бинокль. – Обычно контра эта пулям не кланяется, а тут, эвон, пузами благородными да прямо по грязи...

– Потому что они тут атаку только изображают, – Ирина Ивановна оказалась рядом. – А прорываться в другом месте станут. Азбука, товарищ начдив.

Траншеи открыты были на совесть, на накаты пошло всё, что смогли найти, включая сараи с амбарами, пулемёты наготове – «демонстрируют» тут беляки или нет, а кровью они умоются!

И верно – день длился, а цепи добровольцев, едва поднимаясь в атаку, тут же и залегали.

Канонада, однако, всё сильнее гремела у соседей и справа, и слева.

Немного погодя примчался вестовой.

– Подмоги надо! 12-я дивизия Нечипоренко подмоги просит! Давит контра, головы не поднять!

Жадов метнул быстрый взгляд на Ирину Ивановну.

– Давай полк Илютина. Полк паровозного завода, бывший Сергеева.

Ирина Ивановна сперва было кивнула, но затем прищурилась, подняла к глазам бинокль, надолго припала к амбразуре блиндажа, обращённой к наступающим белым.

– Чего медлишь? – выходил из себя гонец, напроць позабыв о субординации. – 12-я там насмерть стоит!.. Подмогу давай, у вас-то тут тихо!

– Не полк. Один батальон, – вдруг решительно сказала Ирина Ивановна.

– Это почему?!

– Потому что они только того и ждут. За нами дорога прямая от Миллерово на Вёшенскую, не забыл?

– Думаешь, здесь и ударят? А чего ж мутузятся, встали-легли, легли-встали?

– Как раз и ждут, когда дивизию нашу раздёргают. Полк направо, полк налево – тут-то по нам и ударят. Думала я – только продемонстрировать у нас тут будут, чтобы лучшие части мы никуда не двинули, а теперь смотрю – нет, у нас навалятся.

– Почему?

– Соседи держатся, так? – Ирина Ивановна повернулась к вестовому. – Дроздовцы там есть? Марковский полк? Сводно-гвардейский? Конница, атаманцы, лейб-казаки?

– Не... кадеты обычные...

– Кадеты? Какие «обычные»?

– Ну, золотопогонники...

– То есть регулярные части?

Вестовой кивнул. Было видно, что длить этот разговор для него мучение.

– Помочь-то будет? Иль нет?

– Батальон. Что, мало? Ну, не хочешь – тут оставайся. Потому что, помяни слова мои, боец, тут очень скоро такое начнётся, что небо с овчинку покажется.

– Ну, голова, – с уважением выдал Жадов.

На вестового это, однако, не подействовало.

– Хорош базарить, начдив! Помощь давай, говорю тебе!

– Веди батальон, чего медлишь? – обозлился и Жадов. – Слышал, что мой начштаба сказала? Что тут будет главный удар!

– Может, и будет, может, и нет, а только у Нечипоренко совсем худо, вот прямо сейчас!

– Ну так скачи же, не жди! Батальон – тоже много!

Вестовой совсем потемнел лицом.

– Сам ты, начдив, контра настоящая!..

Жадов только сплюнул.

– Будешь время терять – посажу под арест. Как саботажника. Чтобы духу твоего здесь не было через полминуты! Вот приказ Илютину дать тебе один батальон. – Начдив-15 наскоро черкнул что-то карандашом на мятом листке бумаги. – Всё, прочь с глаз моих!

Вестовой понял, что дальше упрямиться становится опасно для собственной шеи, – схватил приказ и выбежал вон.

Жадов покачал головой.

– Ирина Ивановна... а ты уверена?.. А вдруг надо было и впрямь целый полк давать? Не удержится Нечипоренко, мы в котле окажемся...

– Удержится, – железным голосом сказала товарищ начштаба. – Во-первых, там военспецом подполковник Нифонтов и части из его Волынского полка. Я Нифонтова знаю...

– Нифонтов? – наморщил лоб Жадов. – Погоди-ка... это который же Нифонтов?

– Отец того самого Константина Нифонтова, что с Бешановым в Питере нас с тобой арестовывать явился. Или не арестовывать, не знаю уж – «дела принимать», как они сказали. Но офицер дельный. Смелый. Решительный. На прежнюю власть сильно злой. Нечипоренко может там командовать, но Нифонтов позиции удержит, помяни моё слово.

– А мы?

– И мы удержим.

...Настоящие атаки начались, когда и впрямь ушёл батальон из полка Илютина, когда пушки белых вдруг зачастили, осыпая шрапнелями окопы с траншеями, а гранатами – ближний тыл дивизии. Тяжёлой артиллерии тут не было, только трёхдюймовки, но и этого хватало. Батарейцы Жадова хоть и «горели революционным рвением», но стрелять с закрытых позиций и по закрытым позициям не умели.

Однако никто не побежал. Хрипя и матерясь, переждали обстрел, кое-как оттаскивая раненых. И – дождались, когда на поле вновь поднялись цепи в длинных шинелях, пошли прямо на них.

Наступали белые умно, перебежками, никто не маршировал и не гнушался «кланяться пулям». А шрапнели так и рвались, обстрел не прекращался.

– Перестанут, только когда цепи подойдут почти вплотную, – Ирина Ивановна опустила бинокль. – Умеют, что уж тут... «Огневой вал» это называется, хотя тут, конечно, до настоящего ой как далеко...

– Как бы нам и этого не хватило, – Жадов погладил ложе винтовки рядом. – Что ж, придётся по старинке, «пуля дура, штык молодец».

– Если всё сделали правильно, не придётся. Если пулемётчики сидят в блиндажах, как приказано.

...И едва стихла артиллерия, едва цепи белых поднялись – уже совсем близко, совсем рядом рванулся их рёв, никакое не «ура», – как с флангов 15-й дивизии ударили тщательно укрытые там «максимы».

Белые не добежали до линии траншей. Под свинцовым ливнем вновь залегли, и тут уже воспрявшие духом бойцы Жадова взялись за винтовки.

Текли мучительные минуты, и вот – осторожно, пригибаясь – белые начали отходить. Вскакивали, пробегали сколько-то саженой, падали снова; иные с колена стреляли в сторону красных, но едва ли кого-то задевали: траншеи у Жадова были открыты глубокие, по уставу.

– Тащ комдив, ударить бы по ним! – горячо зачастил командир питерской роты, державшей самый центр позиции.

– Какое «ударить», Михеев, они всю твою роту положат, пока добежишь!.. Ах ты ж, нечистая ты сила, а ну быстро, останавливаем!..

Наверное, с сотню бойцов петербургского полка 15-й стрелковой думали так же, как и их комроты. Без приказа, без команды вскочили в полный рост и, как положено, с «ура!» ринулись на отползающие цепи белых.

– Штокштейн!.. – ахнула Ирина Ивановна.

И точно – первым на бруствер вскочил именно начальник особого отдела, в руке «маузер», закричал что-то, бросился вперёд, увлекая за собой остальных.

– Назад! – заорал Жадов, бросился наружу. – Назад, мать вашу!..

Ирина Ивановна – следом. Хватали бойцов за плечи, за полы шинелей, за рукава, останавливая храбрый, но безумный порыв. Потому что белые встретили поднявшихся красных именно так, как умели, как их учили, – спокойно, без паники, хладнокровно поливая атакующих очередями в упор из «фёдоровок» и ручных пулемётов.

Треть вскочивших бойцов Жадова смело сразу. Остальные, слава богу, попадали кто куда.

– Назад! – надсаживался Жадов. Рискуя, вскочил на насыпь, рядом тотчас же свистнуло, и Ирина Ивановна с силой сдёрнула комиссара вниз.

– Назад! Назад давай! – звали своих и другие красноармейцы.

Кое-как, на карачках, ползком, отходили. Белые отступали тоже, и только на ничейной полосе остались те, кого судьба сегодня наметила «к отправке».

Среди тех, кто выжил и прыгнул обратно в спасительную щель траншеи, оказался и Штокштейн – раскрасневшийся и, в отличие от многих других, даже не раненый.

И прежде чем Жадов с Ириной Ивановной успели хоть слово сказать, истеричным фальцетом завопил:

– Измена!..

– Какая измена, так тебя, Шток, и растак, куда людей повёл?!

– Измена! Мы бы их смяли!.. – Штокштейн, казалось, сейчас забьётся в падучей.

– Атака не подготовлена. Направление неизвестно. Ближайшей задачи не поставлено. Взаимодействие не отработано. Полки дивизии имеют приказ на удержание позиций, а не на атаку и преследование противника, – холодно и ровно, словно на занятии в Николаевской академии Генштаба, отчеканила Ирина Ивановна.

– Вот это и есть измена, что «не поставлено» и «не отработано»! – не сдавался Штокштейн. – Мы бы их погнали!..

– Ровно до их пулемётов. И положили бы там всю дивизию.

Над полем боя взлетели одна за другой две белые ракеты. А над отходящими цепями добровольцев так же внезапно поднялся белый флаг.

– Это что ещё такое? – у Штокштейна была уже явно готова очередная тирада, но тема сменилась.

– Предложение перемирия, что ж ещё. Вынести раненых, оказать им помощь. Такое повсеместно практиковалось с японцами.

– Что за изменнические разговоры? – вновь вскинулся Штокштейн. – Хотят контры золотопогонные своих раненых выручать – пусть подходят с поднятыми руками, бросают оружие и сдаются в плен!

– Там и наши раненые, – напомнила Ирина Ивановна.

– Если б мы атаковали и пошли до конца, то уже помогали бы нашим! Это по вашей вине, начштаба Шульц, всё и случилось!

– А ну, хватит! – зарычал Жадов. – Ротный, помашите этим... кадетам. Пусть не стреляют, мы тоже не будем, раненых надо вынести. Раненных по твоей милости, Шток! Приказа на наступление я не давал! А ты людей грудью на пули повёл!

– Я сам грудью на пули пошёл! – зашёлся Штокштейн. – Пока вы тут в блиндаже отсиживались!

Однако в ответ на размахивание белой тряпицей стрельба со стороны добровольцев и впрямь прекратилась.

– Встали, – Жадов выпрямился во весь рост.

– Тащ начдив!..

– Не «тащ начдив», а за мной! Наших будем собирать!..

Добровольцы и красные бойцы сошлись посреди смертного поля. Винтовки закинута за спины, в ход пошли носилки. Совсем юный офицерик с красно-чёрными погонами, где красовалась единственная звёздочка, чуть поколебавшись, протянул пакет бинтов немолодому уже красноармейцу, пытавшемуся помочь товарищу с простреленной ногой; чуть левее двое бойцов Жадова, молча и словно бы стесняясь, помогли женщине в косынке с красным крестом положить раненого добровольца на носилки.

И так же молча разошлись.

...До самого вечера атак на позиции 15-й стрелковой не последовало. Гремело и справа, и слева, и казалось, всё будет хорошо. Отправленный батальон так и остался у Нечипоренко, хотя наступление белых стихло и там.

– Кажись, выстояли, – зевнул Жадов.

В блиндаже горела одна-единственная свеча, скупо освещая старую, имперскую ещё топографическую карту.

– Выстояли, – кивнула Ирина Ивановна.

– Так это, значит, и был главный удар?

Товарищ Шульц молчала, красными и синими карандашами чертя на карте какие-то значки и измеряя расстояния курвиметром.

– Нет, товарищ начдив. Не главный. Главного вообще, похоже, не было. Или же поисточились беляки, потери свои им восполнить уже нечем, офицеры, какие хотели и могли, давно уже у них, а остальные – либо у нас, либо, как и большинство обывателей, просто ждут, чья возьмёт.

– Мудрено говоришь, товарищ начштаба... – Жадов очень устал. И сейчас ему очень хотелось поверить, что самое страшное позади, что наступление врага отбито и можно будет «сидеть в окопах», и это, право же, куда лучше, чем подниматься в атаку, ожидая, что тебя вот-вот срежет пулемётная очередь в живот. – То главный удар, то не главный... то заслон, то не заслон... А вообще выпить бы сейчас наливочки стопочку да пельменями настоящими закусить, в Питере, помню, было одно заведение, ходил всегда...

Ирина Ивановна рассеянно кивнула, продолжая чертить и вымерять.

– Погоди, Миша, о пельменях мечтать. Мы с Нечипоренко удержались, а что у других соседей?..

– Отправь вестового... Где Яша, где наш комиссар? Пусть идёт политработу проводить. Что, дескать, героически отразили натиск противника, скоро и назад погоним...

Ирина Ивановна только качала головой. И вдруг хлопнула себя по лбу:

– Ах я, дура набитая!..

Жадов аж подскочил:

– Что такое?..

– То-то я голову ломала, где Улагай с Келлером, где конница белых?.. Ни у нас, ни у Нечипоренко не появилась, как и дроздовцы с марковцами и корниловцами.

– И что же?

– Значит, всё ещё хитрее. Обходят они нас, Миша. Не стали прорываться самой короткой дорогой, не стали соседей наших опрокидывать, чтобы нам в тыл зайти. Обошли небось левый наш фланг, через Дон переправились всей массой и пошли напрямик к Вёшенской. Объединятся с мятежниками, да и ударят напрямик на Харьков, на Тамбов, на Воронеж... а захотят – и к Царицыну пойдут, и к Астрахани, яицких казаков поднимать. Для того-то и висели на нас на всех!..

– И что теперь? – сон с Жадова как рукой сняло.

– Пошли нарочных. Пусть соседи будут готовы к отходу.

– К отходу?!

– Предлагаешь героически погибнуть в окружении, Миша?

– Так тогда беляки ни до Харькова не дойдут, ни до Тамбова! Мы их тут на себя притянем!

– Эх, Миша, Миша! Да не станет из белых никто на тебя окружённого в штыки ходить. Оставят заслоны, и вся недолга. И будем барахтаться.

– Всё равно, – упрямо набычился Жадов. – Всё время бегать – до самого Питера добежим, а толку?.. Нет, сражаться надо здесь и сейчас. Никаких отступлений, товарищ начштаба!

– Есть, никаких отступлений, товарищ начдив, – мрачно сказала Ирина Ивановна. – Разрешите тогда начать готовиться к занятию круговой обороны?

– Разрешаю. И предупреди всех соседей. И Яшка, где Яшка, я ж его вызывал?!

– Изъявили намерение, но так и не отдали приказа, – фыркнула Ирина Ивановна.

– Отдаю! Вызывай его сюда, где он вообще шарится?!

... Глухой ночью до штаба 15-й стрелковой дивизии добрался смертельно уставший всадник, раненый, с рукой на перевязи.

– Эй, вставайте, кто ещё остался... – пробормотала Ирина Ивановна.

– Ты о чём, товарищ начштаба? – Жадов оторвал сонную голову от подушки.

Ирина Ивановна, похоже, так и сидела у стола в штабном блиндаже.

– Книга одна. Неважно. Вставай, товарищ начдив. Сейчас узнаем, права я была или нет...

Она оказалась права.

Собрав все конные полки, Добровольческая армия форсировала Дон вдали от линии фронта, кавалерия сплошным потоком устремила на северо-запад.

– Штаб фронта приказывает нам немедленно отходить.

– Дай сюда!

Жадов почти вырвал бумагу, отмеченную понизу кровью гонца.

– Что?.. «Согласны с вашим предложением... приказываем немедленно начать отвод дивизии на рубеж... сохраняя материальную часть и продовольственные припасы...» Какое ещё «наше предложение»?!

– Наше предложение – отвести войска в случае угрозы окружения. Я его отправила заранее. На всякий случай. Потому что знала, Миша: ты-то решишь стоять насмерть и не отступить ни на шаг.

– Ах ты ж!..

– Ну, можешь меня изругать, даже матом. – Ирина Ивановна пожала плечами. – Вот только бойцы наши едва ли захотят тут ложиться все, в безвестных степях. Командование фронта знает, что делает, и подкрепления идут. Нельзя белякам дать по частям разбить сперва нас, а потом и эти свежие дивизии.

Жадов тяжело вздохнул.

– Тогда будем отходить. Но только вот что, товарищ Шульц... ещё раз такое устроишь – сразу просись в тот же штаб фронта. Я тут командую, а не ты!

– А я тут для того, чтобы ты, дорогой начдив, не угробил бы разом всю свою дивизию! – не поддалась товарищ Шульц. – Ни военспецов у тебя, Миша, ни военного образования; сердце горячее, руки чистые, совесть больная – всё верно; только, чтобы полками командовать, ещё кое-что нужно. Почему беляки теснят нас?.. Вот то-то же. А где в частях военспецы толковые...

– Ладно! – зло прервал её Жадов. – Пошли, отдадим все приказы. Опять людям ночь не спать...

Спать и в самом деле не пришлось. Однако не только из-за отступления: добровольцы, словно что-то учуяв, принялись кидаться осветительными ракетами, вновь загремела артиллерия – верно, били по пристрелянным за день ориентирам.

– Не дадут так просто оторваться...

– Заслон надо оставить, – озабоченно сказал Яша Апфельберг, как всегда, вывернувшийся словно из ниоткуда. – Если всё обойдётся, так уйдут тихо.

– А если нет?

– А если нет, товарищ начальник штаба, то падут смертью храбрых во имя победы мировой пролетарской революции.

На пути у них появился Штокштейн, вынырнув из ближайшего блиндажа.

– Опять ты! – вырвалось у Жадова.

– Мы получили приказ отступать. Товарищ начдив, прошу поручить мне командование отрядом прикрытия. Не дадим контре сесть нам на загривок! В отряд буду брать только сознательных добровольцев.

Жадов вздохнул.

– Наконец-то. А то всё шпионы да шпионы... Благословляю, Эммануил Иоганнович. Выкликай тех, кто сам с тобой остаться захочет.

Уже под утро колонны 15-й стрелковой потянулись на север. Штокштейн оставался; с ним полсотни бойцов, большей частью из харьковских рабочих полков. Вестовых больше не появлялось, и Жадов торопил своих – пока солнце не встало, надо было попытаться уйти в отрыв от белых.

Долгое время всё оставалось более-менее тихо, а потом вдруг резко полыхнула частая артиллерийская пальба.

Ирина Ивановна перекрестилась.

– Идём на прорыв. – Две Мишени поднял бинокль, оглядывая побитые пушечной пальбой позиции красных. – Нельзя больше ждать.

Кубанские добровольцы вчера не смогли здесь продвинуться, да, похоже, не слишком-то и пытались, несмотря на прямой приказ начальника армейского корпуса. Отряд александровцев подоспел только к утру, последний резерв добровольцев на этом участке, – всё остальное оказалось втянуто в бой, и без особого успеха.

– Что, прямо в лоб? – удивился Фёдор Солонов.

Когда Две Мишени оставался наедине с ним и Петей Ниткиным, многие формальности отбрасывались.

Аристов поморщился.

– Кубанцы уже ходили. Не дошли.

– А мы?

– А мы в обход. Что-то у красных на позициях тихо совсем.

Фёдор кивнул. «Тихо совсем» означало, что нет «передвижения личного состава», «в том числе неорганизованного». Добровольцы умели часами замирать в окопе или у амбразур, не бродили в полный рост, не смолили сигарки и так далее. Красных же отучить от этого не удавалось даже шрапнелью.

– Кубанцы их отвлекут, а мы во-он той балочкой. Посмотрим, насколько бдительно у красных боевое охранение...

...Шли всё тем же верным составом. Сам Две Мишени, Фёдор, Севка Воротников (куда ж без него) – в головах, остальные александровцы чуть поодаль.

Здесь, в глубокой ложбине, снег ещё и не думал таять, хотя под его слоем уже весело булькал беззаботный ручей.

Как ни странно, охранения в балке не оказалось вовсе. Александровцы без помех выбрались к траншеям красных – и там их встретила, как говорится, звенящая пустота.

Первого красноармейца Федя Солонов заметил, когда они прошли, наверное, саженой полста по траншеям. Позиции противником оставлены, это уже становилось ясно; а охранение, как оказалось, совершенно не представляло себе свои обязанности.

...Красного бойца Фёдор поразил снайперским выстрелом и постарался как можно скорее забыть о ещё одной оборвавшейся жизни. Александровцы атаковали как умели – мелкими группами, прикрывая друг друга, не жалея ни патронов, ни гранат.

Красных оказалось совсем мало, отстреливались они ожесточённо, но александровцы даже не пытались атаковать «в полный рост» и «не кланаясь пулям». Парами и тройками быстро охватывали сопротивлявшихся, ползком подбирались к мёртвым зонам у амбразур и бойниц, не жалея, забрасывали внутрь взрывчатку, самодельные заряды с короткими запальными шнурами. Пулемёты красных замолкали один за другим, но никто из противников даже не пытался сдаться, отстреливаясь с редкостным ожесточением.

Они сбились в кучу, засев в нескольких хуторских постройках, что по самому центру позиции. Тонкая цепь александровцев охватила их со всех сторон, и Две Мишени уже совсем было собрался предложить красным сдаться, как все уцелевшие защитники позиции разом кинулись наружу: прыгали из окон, выскакивали из дверей, иные даже с крыш. Их «ура!» сотрясло воздух – родное, русское «ура», – и даже у Фёдора Солонова рука дрогнула, он промахнулся; несколько очередей скосили полдюжины атакующих, ещё двоих застрелил из «маузера» Две Мишени, но остальные всё-таки достигли редкой цепи бывших кадет, бросили себя на их выстрелы в упор, наставив штыки и забыв даже думать о собственных жизнях.

Фёдор стрелял как заведённый. Выстрел – бросок в сторону – прицел – выстрел – ещё бросок. Он не видел, как Две Мишени в упор разрядил «маузер», схватился за пашку, отбил штыковой выпад, крутнулся, рубанул сам; не видел, как Севка Воротников вышиб винтовку из рук немолодого красноармейца, свалил того подсечкой, замахнулся штыком, чтобы добить; заметил лишь, как Петя Ниткин очень даже неплохо отбивается от наседающего на него бойца, – и тут Фёдор сбил того точным выстрелом в голову.

Среди красных Фёдор не сразу заметил их командира – с большой комиссарской звездой на рукаве. Тот пальнул на бегу в александровца, попал, но раненый кадет сумел зацепить попытавшегося перепрыгнуть через него комиссара. Тот тяжело грохнулся оземь, в следующий миг на него уже навалился Бобровский и другие.

И всё почти сразу и кончилось. Стоило рухнуть комиссару, как остальные красноармейцы дружно подняли руки, точно у них – только что сражавшихся насмерть – выдернули незримый стержень.

Две Мишени тоже отдал команду.

Военного с комиссарской звездой подняли на ноги, наскоро охлопали по карманам, разряженный «маузер» передали Аристову. Красноармейцы стояли смирно, но и спокойно – наверное, потому что и сами александровцы оставались хладнокровны и молчаливы, только спешили оказать помощь раненым.

– Кто такие, какой части? – громко спросил Две Мишени, обращаясь к пленным.

– 15-я стрелковая дивизия, – ответил кто-то.

– Молодцы, – похвалил Две Мишени. – Не молчим, не запираемся. Оно и верно – какой вам ущерб от того, что мы номер вашей дивизии знаем? Никакого. Для вас война кончилась. Мы пленных не убиваем...

– Ещё как убиваете! – вскинулся вдруг человек с комиссарской звездой. – Сколько наших казаки ваши порубили?! Никого не щадили, раненых добивали, на кол сажали!..

– Не надо было у казака хлеб отбирать и оружие, – холодно парировал Две Мишени. – Но мы не казаки в любом случае. Я офицер русской Добровольческой армии и в таком качестве гарантирую вам, сложившие оружие рядовые бойцы, что вы будете распущены по домам. Те же из вас, кто проживает за линией фронта, смогут после проверки работать – и получать жалованье – в губерниях, где сохраняются законная власть, порядок и привычный строй жизни. Да и деньги размениваются на золото, слышали об этом?

Пленные зашевелились.

– Вы тут остались, я так понимаю, прикрывать отход?

Многочисленные кивки.

– Отдаю должное вашей храбрости. Но сейчас всё, бой закончен, давайте позаботимся о раненых. И наших, и ваших. Многих можно будет спасти.

– А с ним что? – вдруг подал голос один из пленных.

– А кто это? – прищурился Две Мишени.

Пленный стусевался.

– Дык, ваше благородие, коль уж ваша взяла и ты говоришь, что нас по домам отпустят или работу какую дадут, так, может, и его тоже? Не будешь грех на душу брать, безоружного расстреливать? Что ваши с такими, как он, делают, мы наслышаны...

– «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской», – вдруг процитировал Святое Писание Аристов. – От Матфея святое благовествование, глава 18, стих 6. Помните ли? Вот такие, как он, вас и соблазняли.

– Чепуха, – презрительно бросил человек с комиссарской звездой. – Народ вышел биться за свободу, чтобы вас, сволочей, высокоблагородий всяческих, метлой поганой с земли нашей вымести! Не тиранили б народа, не держали б в цепях – никто б не «соблазнил» никого! А теперь давай, расстреливай меня, давай! Мы свой долг выполнили. Дивизия наша далеко уже ушла, не догоните!

– Расстреливать вас, военнопленный, я не собираюсь, – холодно сообщил Аристов. – При других обстоятельствах и если бы я стал свидетелем ваших преступлений – возможно, и расстрелял бы, не скрою. Но я их не видел. Поэтому судьбу вашу решит суд. Если кто-то другой предавал смерти вам подобных – Бог им судья. А я – им уподобляться не стану. Увести!

– Ну вот, товарищ дорогой, Ирина Ивановна... отзывают нас с тобой в Харьков, штаб Южфронта теперь там. – Жадов держал в руках телеграмму. – Дивизию приказано сдать Нечи-

поренко. У него тяжёлые потери, много разбежавшихся... переформировывают всё. А нас с нашим питерским полком – в Харьков.

– В Харьков – значит, в Харьков, Миша. Борьба не окончена. Даже тот успех охвата дал белым не слишком многое...

– Ничего себе «не слишком»! Как ты и говорила, на Харьков пошли, на Борисоглебск... Да и на Царицын, говорят, попёрли!

– И совершили тяжёлую ошибку, – ровно сказала Ирина Ивановна. – В военной науке это называется «наступление по расходящимся направлениям», и прибегать к нему можно только в случае очень существенного перевеса над отходящим неприятелем, когда фактически ведётся его преследование.

– А у нас разве не так?

– Конечно, не так. Южфронт не разбит. Мы загибаем фланг, не даём выйти нам в тыл. К Воронежу и Тамбову перебрасываются подкрепления, переформированные полки, с военспецами, хорошо вооружённые, там бывалые солдаты. Можно было окружить нашу 15-ю дивизию, но нельзя окружить весь Южфронт. У белых просто нет столько пехоты. А Царицын... Пусть себе берут. Не там будет решаться судьба революции, а здесь – под Харьковом, Курском, Воронежем... Но это не сейчас, а пока нам в штаб фронта надо. Опять небось товарищ Сиверс захочет из нас «пожарную команду» сделать...

Штаб Южфронта размещался теперь там же, где и Харьковский военный округ. Товарищ Сиверс неподчинения не терпел и, как шептались в коридорах, бывший начальник округа Павел Егоров был уже отправлен на передовую с новосформированной дивизией.

Вокзал был весь забит эшелонами с севера. Из Москвы, из Петербурга, с Оки и Волги – отовсюду тянулись свежие полки. На платформах – бесчисленные артиллерийские орудия, пирамиды снарядных ящиков. В теплушках – люди и кони.

– Вот видишь, Миша. Этакая силища!.. А ты говорил – остаться в окружении и погибать. Нет, революции ты живой нужен. Все краскомы с боевым опытом ныне на вес золота. Потому что армия только формируется.

– Ну да, – почесал затылок Жадов. – Пехтуры-то много, вижу сам. Да только права ты, дорогой мой начштаба, – без опыта сгинут в первом же бою.

– Вот и поехали тогда. Товарищ Сиверс ждать не любит.

Товарищ Сиверс встретил их в кабинете. Сизый табачный дым плавал сплошной завесой, Ирина Ивановна даже закашлялась.

– Прощения прошу, товарищ Шульц. Садитесь, товарищи, Михаил, Ирина. Докладывайте.

– О чём же, товарищ комфронта?

– О вашем опыте, конечно же. Ваша дивизия остановила наступление противника. Не отошла ни на шаг до получения приказа. А так-то и Нечипоренко с 12-й, и Уборевич с 14-й – все назад подались. Хотя, судя по всему, атаквали их ничуть не сильнее, чем вас.

– Ничего особенного, товарищ Сиверс. Отрыли окопы с траншеями, рук не жалеючи, блиндажей накопили да бревнами перекрыли, разобрав на это все возможные постройки. Поэтому и шрапнель нам особого ущерба не нанесла. Пулемёты расположили опять же... по науке. Косоприцельный огонь называется. Ну и комиссар товарищ Апфельберг старался... поддерживал у бойцов революционный дух... не допускал колебаний...

Жадов аж взмок – не слишком-то привык «докладывать высокому начальству», даже революционному.

– Н-да, – проговорил Сиверс. – Вы правы, товарищ начдив, – простые всё меры, несложные. Вполне доступные любому краскому. Николаевских академий для этого оканчивать не

нужно. Но почему-то для очень многих товарищей наших недоступные. Бойцы, видите ли, «не желают окапываться»! В одной из дивизий потребовали прислать «на окопы», видите ли, «представителей эксплуататорских классов»! Буржуев, одним словом...

– А что же, предложение хорошее, – оживился Жадов. – Пусть ударным трудом искупают свою вину перед рабочим классом да беднейшим крестьянством.

Сиверс как-то странно поглядел на начдива.

– Товарищ Жадов... вы поймите, слова правильные – они для митингов хороши. А мы с вами не на трибуне. Ну где я вам столько «буржуев» наберу, да ещё и волшебным образом на передовую отправлю, чтобы появились они там вовремя, пока беляк в наступление не пошёл? И буржуи эти должны быть здоровые, сильные, траншеи рыть – не чай гонять. А того же эксплуататора... хоть ты его расстреляй, а если сил у него нет, так он ничего и не нароет. Вот казачков бы погнать, нагаечников – это да. Да только неудача у нас с ними вышла, что правда, то правда... Одним словом, – он резко выпрямился, упёрся ладонями в стол, – вы со своим полком остаётесь при штабе фронта. Вы, товарищ Шульц, назначаетесь заместителем начальника оперативного отдела. Товарищ Жадов о заслугах ваших умолчал, а вы, по скромности классовой, его не поправили!..

Товарищ Жадов немедленно покраснел и принялся путано оправдываться. Ирина Ивановна улыбнулась, коснулась легонько его локтя.

– Мои заслуги тут невелики, товарищ командующий фронтом. Но исполнять обязанности готова. А кто же у нас начальник одного отдела?

Сиверс слегка поморщился:

– К сожалению, не военспец. Доверенное лицо товарища Троцкого. Но вы не беспокойтесь, товарищ Шульц, он тут в штабе совсем не оперативными делами занимается. Чем – лучше не спрашивать. Я вот не спрашиваю и вам не советую. Делайте свою работу. Чем должен заниматься оперативный отдел штаба фронта, вам, я полагаю, объяснять не нужно?

Ирина Ивановна кивнула:

– В первую очередь – сбор и представление командованию самых полных данных о положении и состоянии войск, как наших, так и противника. Выработка оперативных решений при...

Сиверс поднял руку:

– Достаточно, достаточно. Разбираетесь, это ясно. Немедля беритесь за дело, а то у нас, увы, тут полный революционный хаос.

– У кого прикажете принять дела?

– Не у кого их там принимать. – Сиверс схватил со стола бланк, обмакнул перо, что-то быстро написал, приложил печать. – Вот мой приказ причисленным к отделу выполнять все ваши указания...

– Простите, товарищ командующий, – «причисленным к отделу»?

– Нынешний начальник так и не сформировал положенный штат. Люди там по большей части мной туда направленные. Храбрые и боевые командиры, но в штабной работе не слишком разбираются. Берите дело в свои руки. А вы, товарищ Жадов, со своим полком – разворачивайтесь в бригаду. Если надо – поезжайте в Питер, собирайте верных людей, преданных идеалам революции. У вас остались там... те, на кого можно положиться?

Жадов и Ирина Ивановна переглянулись.

– Борьба за Харьков, за Белгород и Курск будет очень упорной, – Сиверс понизил голос. – Немалая часть наших войск, увы, готова порой поддаться панике. Старые полки, полки царской армии, сменившие номера, названия и знамена, хоть и укомплектованы опытными солдатами, особенно старослужащими – иные фельдфебели с японской служили! – часто думают о том, чтобы по домам разойтись. Пролетарские части – когда под началом хороших командиров, чудеса творят, а бывает, что... – он махнул рукой. – Бывает, что на царские посулы

поддаются! Дескать, на югах и работа есть, и деньги, и свободная торговля, и всего в изобилии. В общем, без пожарной команды особого назначения всё равно не обойтись. Побывали вы ею один раз, видать, и вдругорядь придётся. Нет, хлеб вывозить не надо. Там товарищ Бешанов постарался...

– «Товарищ» Бешанов, – холодная ненависть в голосе Ирины Ивановны была более чем заметна, – послужил одной из главных причин казачьего восстания и обвала левого фланга Южфронта. Его бессмысленная и дикая жестокость...

Сиверс остановил её.

– Знаю, товарищ Ирина Ивановна. Всё знаю. Не только вы сигнализировали о нарушениях революционной законности. Не могу сказать, что сочувствую этим нагаечникам, – заслужили они своё, гнев трудового народа трудно унять! – но товарищ Ленин нас учит, что пролетариат не мстит, а карает. Товарищ Бешанов несколько переусердствовал и... да, не могу не разделить ваше мнение, что обвал нашего левого фланга, прорыв белой конницы, угроза Воронежу, Борисоглебску и другим городам – в известной части его, Бешанова, вина. Но сейчас говорить об этом нет смысла. Наш левый фланг надо привести в порядок. Отступления закончены, врага мы сперва остановим, а затем и погоним обратно! – Он потряс кулаком. – Товарищ Жадов, а вы как можно скорее приступайте к пополнению своего полка. Мне очень нужны будут верные части.

– Вам, лично вам, товарищ комфронта?

– Помилуйте, товарищ Шульц, о чём вы?! Части, до конца верные идеям революции и не заражённые анархией пополам с партизанщиной, конечно же!

– Вас понял, товарищ Сиверс, – безо всякой радости сказал Жадов. – Я протелеграфирую... тем, кто ещё остался в столице. Хотя, надо сказать, многие были в дружбе с Благомиром Благоевым...

Сиверс разом подобрался.

– А вот этого не надо, товарищ Жадов. Уклоняющихся от генеральной линии партии нам не требуется. И вообще лучше бы вам отправиться туда самому. Полк передайте заместителю.

– У нас найдутся и не уклоняющиеся, – подала голос Ирина Ивановна.

– Считаю, что оставлять мой полк сейчас политически не совсем правильно, – заявил комиссар. – Для начала испробуем иные каналы связи.

– Что ж, испробуйте. Три дня сроку вам, товарищ Жадов. Потом должите. А пока приступить к учениям. И... подготовьте соображения по организации обороны Харькова. Не думаю, что до этого дойдёт, но бережёного, как теперь говорят, товарищ Ленин бережёт. Это и вам поручение, товарищ Шульц. Вопросы есть?..

– Есть. Место дислокации моего полка. Постановка на довольствие. Получение огнеприпасов взамен истраченного.

– Это к товарищу Якиру. Он у нас отвечает за такие дела. Совсем молодой, но отчаянный, насилие его с фронта вытянул. Мне умные люди тут, в штабе, тоже нужны. Всё? Больше вопросов нет? Свободны, товарищи.

Александровцы наступали. Шли по прямой дороге от Миллерово на Воронеж. До него, конечно, ещё немеренные вёрсты, но с каждым шагом он всё ближе и ближе. Как и Москва, как и Петербург. Красный фронт откатывался, дроздовцы, келлеровцы, улагаевцы, марковцы почти без боёв занимали станицы на Верхнем Дону. По открывшемся пути на Воронеж, по главному ходу железной дороги Ростов – Новочеркасск – Миллерово – Лиман – Кантемировка – Лиски – Острожка, а там и Воронеж к западу. В прорыв ушли бронепоезда, вся конница белых, все восставшие казаки; в городах и сёлах юга шла сплошная мобилизация, кто-то пробовал бежать, но и у красных на севере, и у гетманцев за Днестром таковых тоже немедля ставили в ряды.

Но кто-то должен был пахать и сеять, и потому даже в казачьих станицах призывали не всех. К тому же показывали дно склады южных военных округов, а заводов, что делали б винтовки с пулемётами, у белых не было. Имелся донбасский уголь, металл, имелся хлеб, но и только.

Большевики же располагали Тульским, Ижевским, Сестрорецким оружейными заводами. У них оставались и главные склады старой армии, нехватки патронов или снарядов красные не испытывали.

А тут ещё и немцы с австрияками. Заняв Киев ещё 1 марта и признав «вольную гетманскую Украину», немцы остановили наступление красных, враждующие стороны разделил Днепр. Левобережье осталось за большевиками.

И после этого Reichsheer-divisionen нависали над флангами и красных, и белых. Ждали, решительно пресекая при этом все попытки белых продвинуться на правый берег; большевики же словно ничего и не замечали.

Тем более что как раз в дни прорыва белых у Миллерово великие державы Европы, страны «сердечного согласия», то есть Антанты, признали красное правительство. Английский премьер, Герберт Генри Асквит, предложил созвать «мирную конференцию»; вместе с французским президентом Пуанкаре они выступили против «германских территориальных захватов», что подразумевало недвусмысленное: «Берлин, пора делиться».

Вильгельмштрассе изобразило истинно прусское хладнокровие и с прусской же надменностью заявило, что оказало содействие «делу обретения свободы народами, угнетавшимися Российской империей», и что нациям, «имеющим столь давние традиции народоправства», не пристало мешать им, немцам, в сем благородном начинании.

В Париже и Лондоне возмутились. И немедля признали большевистское правительство в Петербурге.

– А дальше – дело нехитрое, – разглагольствовал на привале Петя Ниткин, потрясая только что прочитанными газетами. – Торговое соглашение, французские кредиты, английские субсидии – и пожалуйста бритесь! Немцы и глазом моргнуть не успеют, как окажутся Советы в той самой Антанте, которую клеймили!

– И что потом? – как бы небрежно осведомился Лев Бобровский.

– А потом, друзья мои, будет всеевропейская война. За российское наследство. Были войны за наследства испанское, австрийское, французское, польское, даже за португальское и баварское!.. Ну, а теперь будет за русское.

– Будет? Чего это ты, Нитка, несёшь? – насупился простодушный Воротников.

– Будет, если мы это допустим, – парировал Петя. – Если мы не победим – разорвут Россию на куски. На мелкие. Поляки уже отложились, финны вроде как тоже, даже в Киеве немцы стоят! А потому нечего и удивляться, что никто нам не помогает. Такой шанс они не упустят.

Помолчали.

Федя Солонов гнал прочь чёрные мысли. Чёрные, потому что *тамошние* добровольцы тоже имели большие успехи, дошли до Орла, но кончили всё равно Новороссийской катастрофой. А ведь тогда на красных и впрямь напирали со всех сторон, хоть и несогласованно. Теперь же под рукой Государя лишь юг Новороссии, часть Тавриды, Крым, Кубань, донские области, Донбасс – да и всё. На Северном Кавказе неспокойно, из Астрахани и Царицына к горцам засылаются делегации, подбивают ударить на кубанские станицы, откуда, дескать «всех казаков на войну забрали, лёгкая пожива».

В Киеве – немцы и «гетман»; поляки заняли Брест, Гродно, Белосток, двигались на Барановичи. Германские войска основательно устроились за зиму в прибалтийских губерниях, где как-то тихой сапой отменили все революции, хотя формально они располагались лишь в портах Ревеля, Риги, Либавы. А на остальной территории, от Архангельска до Владивостока, –

большевики. И полки старой армии, перешедшие на их сторону, и офицеры – кадровые, присягавшие государю! – записавшиеся на службу к новой власти; и даже Ирина Ивановна Шульц...

Тут Феде становилось совсем плохо. Об Ирине Ивановне они молча условились не вспоминать.

...Впервые весть о том, что их бывшая учительница теперь с красными, принёс Леонид Воронов. Они со Степаном Васильчиковым сумели в конце концов пробраться на юг и отыскать александровцев. Правда, сами они – «павлоны» – остались со своими. Но о том, как Ирина Ивановна сделалась «товарищем Шульц», они рассказали.

Александровцы выслушали это безраздочно. Кто-то вздохнул, кто-то махнул рукой. Но в конце концов, им надо было воевать и побеждать, малым числом опрокидывать куда более сильные отряды красных; неполной ротой наступать на батальон, а уж если удавалось собрать хотя бы две полные роты – то тут уже шли на целый полк.

Не только Ирина Ивановна Шульц оказалась «на той стороне». Капитан Шубников оставил корпус в самом начале «заварухи»; потом исчез и полковник Ямпольский. Сейчас же он, говорят, командовал дивизией у красных где-то на центральном участке фронта.

В общем, об Ирине Ивановне поговорили – и перестали. Две Мишени молчал как рыба, а вот Петя Ниткин с Фёдором Солоновым впали сперва в чёрную тоску.

Не могла Ирина Ивановна изменить. Не могла сама пойти к красным. После всего, что с ними было, после города Ленинграда, после появления Юльки Маслаковой с Игорем Онуфриевым, после того, что выпало на них в *другом* потоке, – что должно было случиться с Ириной Ивановной, чтобы она нацепила бы на грудь красный бант?

Ответа не было, и взяться ему было неоткуда. А вчерашние кадеты, ныне же – господа прапорщики, привыкли за месяцы войны думать совсем об иных вещах: где раздобыть амуницию и огнеприпасы, чем заменить вышедшее из строя, повреждённое, разбитое; где перехватить хотя бы кусок хлеба, пока не успеет подвоз. Что, в конце концов, с родными и близкими, не успевшими выбраться из Москвы или Петербурга?

А Ирина Ивановна... что ж, она останется в прошлом.

Добровольческая армия, частично прорвав фронт красных, частично обойдя его левый фланг и соединившись с восставшими казаками Дона, повернула несколько дивизий на запад, к Харькову. Но ударные части шли прямо на север, шли среди расцветавшей весны, слизывавшей последние плети снега, вытянувшиеся по оврагам и тёмным местам, словно уставший Змей Горыныч вывалил бесчисленные свои языки.

Сперва, бывало, целые дни проходили в сплошных маршах, когда александровцам вообще никто не препятствовал. Однако чем дальше на север, тем гуще становились дивизии красных, и там, где Дон резко поворачивает на запад, на участке Лиски – Таловая и дальше по левому берегу Хопра до Урюпинской, свежие резервы красных создали устойчивую оборону.

Лиски были крупной узловой станцией, но путь к ней преграждала река. Генерал Келлер, приняв командование сводным ударным «отрядом», попытался перенести острие главного удара восточнее, по левому берегу Днепра, избегая лобового штурма Лисок. И вновь – красные укрепились вдоль правого берега речки Игорец, опираясь на многочисленные тамошние деревни, зарылись в землю по всем правилам фортификационной науки, и брать их лобовым ударом означало положить здесь все лучшие части Добровольческой армии.

– Плохо дело, Федь.

– Да сам вижу.

Петя Ниткин и Фёдор Солонов сидели на ступенях трактира в заречной части селения Игорец; напротив них, за одноимённой речкой, засели красные. Коннице генерала Келлера удалось ворваться на восточные окраины села, занять полустанок Песковатка, но на большее

их уже не хватило. Потрёпанные эскадроны оттягивались в тыл, уступая место пехоте, но Две Мишени только присвистнул, глядя в бинокль на фортификации красных.

Правый берег Икорца выше левого, там поднимаются холмы, а само село, что ближе к реке и ниже, превращено в настоящую крепость: тянутся линии траншей, насыпаны брустверы, на колокольне Богоявленской церкви – наверняка! – наблюдательный пост. Мосты взорваны, кроме одного, железнодорожного. Долина заболочена, да и речка, хоть и неширокая, являла собой изрядную преграду.

И само село кишело красными. Они даже особенно не скрывались – мол, давайте, золотопогонники, атакуйте. Посмотрим, как у вас это получится.

Подошёл Две Мишени, спокойный и молчаливый. Кивнул, сел рядом. Понимающе взглянул на друзей:

– Плохо дело, да?

– Вот и я то же самое сказал, Константин Сергеевич, – вздохнул Петя. – С налёта не взять.

– И не с налёта тоже, – буркнул Федя. Они ходил в разведку на север, но на два десятка вёрст вдоль Икорца так и тянулись позиции красных. – Откуда у них столько войск-то здесь?

– А чего ж им не быть? – пожал плечами полковник. – Это *там* были и Колчак на востоке, и Юденич на северо-западе, и ещё бог весть кто. А тут вся старая армия цела. И офицерство кадровое не выбито, как там, и в немалом числе пошло на службу к большевикам. А ещё многие рассеялись по имениям, по квартирам, по родне – и сидят себе, выжидают, чья возьмёт.

– Но почему же так, Константин Сергеевич?! – с мукой вырвалось у Фёдора. – Мы же читали... *там* и впрямь в войне многие погибли, кому ни попадя погоны прапорщиков вешали. Но тут-то, у нас? Гвардия дралась, и кто уцелел – здесь; а остальные-то?

– Обиженных много, Федя, – вздохнул Две Мишени. – Вот как капитан – бывший – Нифонтов. Тоже ведь у красных служит.

Господа прапорщики дружно разинули рты.

– Откуда ж известно такое, Константин Сергеевич?

– Слухами земля полнится, Петя, как есть полнится... но не в Нифонтове дело. Видать, сходства-то меж потоками куда больше, чем нам казалось. Я-то, грешным делом, *тамошних* книжек почитав, надеялся, что у *нас* так не случится, или если случится, так офицеры все как один... – он отвернулся, махнул рукой. – Ошибался. Погоны золотые носили, пили за государя, а верности-то настоящей не оказалось. Как и *там*. Потому что те же, что *там*, и у нас смуту затеяли. Гучков, Милюков... вся эта шайка-лейка «временных». Теперь-то о них никто не вспоминает, но дело своё чёрное они сделали.

Помолчали.

– Но вы, друзья мои, всё правильно определили – плохо дело наше. С теми силами, что есть, красных не опрокинуть. Пока на одного нашего их трое было, даже четверо – мы вперёд шли. А теперь, когда семь-восемь уже, а то и больше – нет, не сможем. Разрывы во фронте они ликвидировали грамотно. Оттянули назад всё, что могли, восстановили сплошную линию. Знали, когда драться надо, а когда и отступать. Знали, что мы в них упрёмся и начнётся окопное сидение. Как у *тех* под Верденом, и не только. А мы их не пересидим.

– Значит, надо атаковать и прорываться!

– Надо, Федя. Вот только как? Дайте мне их *танковый корпус*, и я до Москвы за три дня дойду. А тут? Разве что на испуг брать...

– На испуг?

– Есть тут одна мысль... – загадочно улыбнулся Две Мишени. И тотчас поднялся, ушёл. Напоминать о «строжайшей секретности» не стал – и без того понятно, что Федя с Петей и не пикнут, что у господина полковника «мысль одна» появилась.

Ночью они переходили реку. Они – команда «стрелков-отличников», вернее, те, кто от неё остался.

В самом начале, ещё в Гатчино, погиб Юрка Вяземский.

Полёг не遠далеке от Юзовки Варлам Сокольский.

Умер от ран в ростовском госпитале Пашка Бушен.

Лежал в тифозном бреду Лихой, он же Дима Зубрицкий.

Остались Миша Полднев, Севка – только не Воротников, а Богоявленский, да Степан Метельский. Ну, и он, Слон, Фёдор Солонов, – четвёртый.

Мало.

Поэтому отправились с ними и Левка Бобровский, и, конечно же, тот «другой Севка», Воротников, и Женька Маслов, худой, цепкий и ловкий. Все – тяжело нагруженные.

Апрельская ночь ещё холодна, и ещё холоднее река Икорец, но вчерашние кадеты не жаловались. Молча, бесшумно, без всплесков скрывались под водой. Тяжёлых винтовок с собой не брали. У каждого в плотном коробе с тщательно промасленными краями крышки – по бельгийскому тяжёлому «браунингу». За месяцы войны каждый из александровцев собрал по целому арсеналу – истинному воину всегда мало того оружия, которым он уже владеет.

Правый берег Игорца, как и левый, был изрядно заболочен, заливные луга – истоптаны скотом, и окопы красные устроили выше, но устроили как следует, не пожалев ни колючей проволоки, ни кольев, ни пота своих солдат.

И секреты они выставили, всё по правилам.

Вот только не учли, что полковник (погоны генерал-майора Две Мишени так и не надевал) Аристов дрался с последними работорговцами Туркестана, с дикими афганскими кочевниками, с маньчжурскими хунхузами и с японскими самураями – дрался с ними со всеми и выжил.

Реку переплывали под водой, дыша дедовскими методом – через трубки. Свети луна, будь внимательнее дозорные, они, быть может, и заметили бы подозрительную рябь на спокойной воде.

Но луну скрыли плотные серые тучи, словно сам Господь развернул на все небеса солдатскую шинель. А часовые хоть и не дремали, но слабую дрожь на поверхности тёмной воды не углядели.

...Приречный ивняк красные частично порубили, но свести его по всей линии обороны, конечно же, не могли. Две Мишени и его команда выбрались на берег, холод был адский, мокрое обмундирование липло к телу, но они проделывали подобное множество раз в лагерях под Гатчино, переходя вброд и переплывая под водой бесчисленные тамошние озёра и речки.

Осветительных ракет у красных то ли не нашлось, то ли не сочли нужным их запускать.

В полусотне шагов, за болотистым лугом, начинался лес, круто поднимавшийся по склону. Вековые деревья не смогла бы повалить даже целая армия дровосеков, и кадеты скрылись в их густой тени.

Команда Аристова обходила село с юга, оставив по правую руку железнодорожный мост. Мост красные взрывать не стали, но возвели на своём его конце настоящую крепость, перегородив рельсовый путь завалами; и несомненно, это всё прикрывалось артиллерией и пулемётами.

Вот и линия траншей, вот и колья...

Севка Воротников перевернулся на спину, парой сноровистых движений перерезал колючую проволоку, как положено, в нескольких местах. Фёдор пополз первым, «браунинг» уже на поясе, а в руке – верный, как смерть, финский нож, наточенный острее бритвы.

Первый часовой рухнул молча, второй успел только захрипеть. Азы подготовки «воина-разведчика». Этим Две Мишени мучил их с самого первого года в корпусе.

Третий дозорный стоял далеко. Что и спасло ему жизнь.

Часть содержимого из заплечных мешков – герметично упакованные удлинённые взрывные заряды – перекечевала по назначению. Две Мишени разматывал запальный шнур.

...Все вместе они ползли к мосту. Фёдор видел свою цель – караульный скорчился за бруствером из мешков с песком, время от времени старательно высываясь в импровизированную бойницу. Противника он заметил слишком поздно.

...Не думать, что убиваешь людей. Не думать, что убиваешь русских людей. Не думать. Не думать. Только о том, чтобы убить. Устранить. Элиминировать.

Конечно, всё время им везти не могло. Стрельба вспыхнула, когда они уже почти всё закончили, старый солдат вскрикнул, когда нож Севки Богоявленского скользнул по вороту шинели. Второй раз Севка не промахнулся, но тревога уже поднялась.

Две Мишени не дрогнули. Продолжал раскладывать заряды, даже головы не поднял.

Остальные господа прапорщики выхватили пистолеты.

Бах, бах, бах – и вот уже двое самых быстрых, бросившихся на них, падают. Остальные тотчас залегли, а полковник Аристов коснулся пламенем спички запального шнура, тотчас махнул рукой своим; кадеты кубарем скатывались к реке, их дело сделано, теперь...

Взрывы вспороли ночь, разбрасывая позиции красных, завал на мосту раворотило, пулемёты подбросило в воздух, а с того берега Икорца молча, без криков «ура!» и стрельбы, ринулась тёмная масса добровольцев.

Они шли на прорыв.

В коридорах харьковского штаба Южфронта дым стоял коромыслом. Курили постоянно. Курили все – за исключением замначальника оперативного отдела фронта, комполка товарища Шульц Ирины Ивановны.

Долгое отступление на левом фланге закончилось. Наконец-то подошли свежие части – и «пролетарские дивизии», и кадровые, с военспецами. Фронт выгнулся дугой от Днепра вдоль Ворсклы (беляки таки сумели там несколько продвинуться, пока все резервы были брошены к Дону) до Кобеляк, оттуда сворачивал на восток по реке Орёл севернее Лозовой, затем Изюм, Купянск, Валуйки, Алексеевка, Острогожск, Лиски, Таловая, Новохопёрский и дальше до Урюпинской. Там начиналась ответственность нового фронта, только что созданного Юго-Восточного. Там командовал Александр Егоров – «бывший штабс-капитан царской армии, добровольно вступил в ряды Красной гвардии, принимал деятельное участие в установлении советской власти в Петербурге; с декабря 1914 года – работал в Военном отделе ВЦИК, отвечая за подбор личного состава для Красной армии. Лично уговорил многих знакомых кадровых офицеров вступить в её ряды...».

Ирина Ивановна склонилась над картой, быстро и точно, словно заправский генштабист, нанося на неё пометки синими и красными карандашами. Рядом лежала кипа донесений и телеграмм – Южный фронт больше не отступал.

Не отступал?..

«Штаб Южфронта тчк срочно зпт секретно тчк ночью двадцать пятого апреля белые прорвали оборону седьмой сд у среднего икорца силами до двух дивизий пехоты с ударными частями александровского корпуса тчк противник занял лиски развивает наступление на коротяк воронеж ввёл все резервы прошу немедленных подкреплений тчк начдив семь романов»

– Что у вас, товарищ Шульц?

– Прорыв у Икорца, товарищ Сиверс.

– Что-о? – Сиверс сжал кулаки, пристукнул по столу. – Как прорвались?

– Седьмая стрелковая дивизия докладывает, что вчера ночью. Донесение подписано начдивом-семь, но составлял не он.

– Откуда знаете? – Сиверс уже нависал над картой, с ним – ещё трое штабных, все – из «бывших». Их вообще появилось много в Красной армии за последний месяц...

– Стил, – Ирина Ивановна потрясла телеграммой. – Написано по принципу «слышал звон, да не знает, где он». Начдивом в седьмой дивизии Герасим Фёдорович Романов, военспец, маньчжурец, в старой армии имел чин полковника, бывший командир бывшего 26-го Сибирского стрелкового полка. Он такой белиберды никогда бы в вышестоящий штаб не отправил.

– И что же это значит?

– Значит, что Романова в штабе нет, пытается организовывать оборону, велел отправить за своей подписью донесение, но, видать, у него совсем не было возможности его писать.

– У нас там рядом и десятая дивизия, и двенадцатая... – бросил один из штабных. – Сил достаточно.

– И вообще у страха глаза велики, – продолжил Сиверс. – Откуда там у беляков две дивизии? Разве что они «дивизиями» теперь батальоны кличут.

– Соппротивление им нарастает, – льстиво поддакнул штабной. – Так называемые «дроздовцы» пронесли огромные потери...

– Но и закрывать глаза мы на это не станем, – перебил Сиверс. – Товарищ Шульц, подготовьте соответствующие приказы начдивам десять и двенадцать. Пусть окажут помощь, нанесут контрудар и восстановят положение.

– Не просто восстановят, но и опрокинут врага!

– А вы, товарищ член военсовета фронта, не витайте в облаках, – резко возразил штабному Сиверс. – Опрокидывать будем по науке, резервами. Приказываю, товарищ Шульц, – передайте дивизиям контрудар нанести, после чего держать прочную оборону, положение восстановить, но преследованием не увлекаться, буде беляки вдруг ни с того ни с сего отступить начнут. Хватит с нас одного Антонова-Овсеенко и его Южармии...

Икорец они взяли. По захваченному целёхоньким мосту на станцию ворвался бронепоезд, прямой наводкой разнёс батарею красных, попытавшуюся было накрыть атакующих шрапнелями, а дальнейшее, как выражался Две Мишени, было «делом техники».

Где и при каких обстоятельствах он приобрёл привычку так выражаться, знали лишь Федя Солонов да Петя Ниткин. Ну, ещё Костя Нифонтов да Ирина Ивановна Шульц, но они не считались.

От Икорца шла торная дорога напрямиком на Воронеж, туда сейчас сворачивала улагаевская конница, а вчерашним кадетам предстояло прикрыть её левый фланг от более чем вероятного контрудара красных.

Пленных было мало, по ночному времени многие успели разбежаться, попрятаться – и в самом Икорце, и в окрестностях.

– Значит, не всё так плохо, как казалось, а, Петь?

Петя вздохнул.

– Мы красных-то разогнали, но не уничтожили. А уничтожить можно только операциями на окружение.

Петя, как всегда, говорил умные и правильные слова, только вот они вечно навевали тоску. Поистине, во многой мудрости много печали...

– Этих смяли – а за ними следующая дивизия, а за ней ещё одна. Разбежавшихся соберут – и обратно на фронт. Ещё десять вёрст пройдем, ещё двадцать... Пусть даже сто. А потом?

Тут, конечно, надо было бы прикрикнуть на друга, мол, что за малодушие и пораженческие мысли, – однако Петя был прав. Да и говорил он это только и исключительно наедине с Фёдором.

Сейчас, после перехода и занятия без боя Лисок, они с Петей просто сидели на лавке; рядом, на станционных путях, дымил бронепоезд. И как всегда в невесёлую минуту (причины которой не понимал никто из друзей, кроме того же Пети да полковника Аристова), Фёдор

полез за пазуху. Извлёк слегка помятый конверт, до сих пор пахнувший лёгкими, тонкими, ускользающими духами.

«Милый Фёдоръ, что ни вечеръ, то жду вѣстей изъ Дѣйствующей арміи. Папа́ приносятъ цѣлую папку, онъ читаетъ всѣмъ намъ вслухъ. Всѣ герои, кто сражается сейчасъ за великую Россію, но я особенно жду упоминаній о вашей части. И ваши письма жду, онъ меня неизмѣнно радуютъ. Жизнь наша здѣсь полна заботъ – мы съ мамой и сестрами трудимся въ Елисаветинскомъ госпиталѣ. Раненыхъ и увѣчныхъ очень много, и я всякій разъ плачу, когда вижу, что помочь страдальцу уже ничѣмъ нельзя. Всякій день молимся за всѣхъ нашихъ воиновъ, а я тихо, про себя, еще молюсь за васъ. Твердо вѣрю, что побѣда придетъ, что Россія воскреснетъ, и это уже будетъ совсѣмъ иная, лучшая Россія. Мама часто разсуждаетъ, что сдѣлаетъ, когда вновь станетъ Супругой Наслѣдника Цесаревича, говоритъ о нашихъ съ сестрами замужествахъ, о королевскихъ дворахъ Европы, а я слушаю и думаю, что не хочу замужъ, и пусть бы лучшие мы остались безъ трона, безъ короны, но жили бы въ своей странѣ и могли бы сами выбирать свою судьбу.

Молюсь за васъ, дорогой другъ Фёдоръ.

Всегда ваша, Татіана».

Просто «Татиана», ничего больше.

Фёдор перечитал письмецо и вновь спрятал. На это письмо он уже отослал ответ, как раз перед прорывом через Икорец.

Нет, не мечтай, не мечтай, кадет. Ты же с Лизой, Лизой Корабельниковой, ты же...

Однако он ничего не слышал о Лизе уже много месяцев, как и об остальной своей семье. Всё равно он должен быть верен... рыцарь не оставляет прекрасную даму только потому, что не осведомлён о её судьбе...

Но с каждой неделей и с каждым новым письмом от великой княжны слова эти звучали всё менее убедительно, словно шорох ветра в весенней листве.

Друг Ниткин пронизательно взглянул на приятеля, вздохнул. Петя не одобрял ни кобелячества Севки Воротников, ни охватывающей Фёдора мечтательности. Сам же Петя хранил поистине лебединую преданность Зине и отчего-то пребывал в твёрдой, абсолютной уверенности, что с нею (как и с Лизой) «всё будет хорошо». Почему так – объяснить он не мог, но и поколебать это его убеждение не мог никто и ничто.

И вот сейчас Петя, неодобрительно покачивая головой, уже явно собирался разразиться филиппикой на тему верности и неверности, как мимо промчался кадет второй роты (до сих пор кадет, им прапорщиков пока не присвоили):

– Две Мишени зовёт! Давай к командиру!

Они стояли на харьковском вокзале, Ирина Ивановна Шульц и бывший начдив-15 Михаил Жадов. Готов был паровоз, и спецсостав вот-вот должен был отправиться – сперва в Москву, а потом и в Питер. Жадов, при полном параде, с новеньким орденом Красного Знамени на груди, несмотря на вид свой, глядел хмуро, мямля пальцами ремень.

– Не хочу я куда ехать, Ира...

– Надо, Миша. – Ирина Ивановна глядела себе под ноги. – И так оттягивали, сколько могли. Верные люди нужны, все, кого сможем собрать.

– Уж не про Благоева ли опять думаешь?..

Ирина Ивановна слабо улыбнулась.

– Ты решил меня и к нему приревновать?.. Нет, Миша, просто боюсь, что придётся нашим батальоном...

– Полком.

– Ну да, полком. А может, и бригадой – это уж сколько ты собрать сможешь... Так вот, скорее всего, придётся полком последний резерв беляков опрокидывать. Кульминация близится, Миша. За прорывом через Икорец и другие последуют. Нельзя белым более медлить. Они же видят, сколько подкреплений к нам каждый день прибывает. Если не сейчас, то к середине июля мы их просто раздавим. Вот и торопятся, пока ещё что-то могут.

– Ну и зачем мне тогда ехать? Пока соберу, пока вооружу, пока сюда доставлю...

– А ты поспеши, – непреклонным тоном сказала Ирина Ивановна. – Пспеши, друг дорогой. Вот помяни мои слова – потребуется нам тут, под Харьковом, каждый штык, который не победит.

– А другие что же, побегут? – неpritворно удивился Жадов.

– Побегут. Как из Икорца побежали.

– Так ведь кадровый полк! С военспецами! А ничего без пролетарских батальонов не могут!

– И ты тоже прав, как говаривал царь Соломон. Иные военспецы-то того, примкнули к нам только ради пайка. Им вообще всё равно, по большому счёту, кто победит. Как и большинству народа. Так что и изменить могут, и стойкости не проявить. Теперь понимаешь, зачем нам верные бойцы?

– Да понимаю я... только... тебя мне оставлять... Непокорно на сердце, Ира!..

– А чего ж ему беспокоиться? – Ирина Ивановна чуть склонила голову набок, улыбнулась. – Ты меня кое о чём просил, Миша. Давно уже просил. И я тебе всё отвечала – мол, подумаю да подумаю. Вот и... надумала.

Жадов аж задохнулся. Глаза его вспыхнули, он подался вперёд, неловко, словно стесняясь, взял Ирину Ивановну за локти, и она не отстранилась.

– Ириша... милая... неужели?..

– Вернись скорее, и всё тебе будет. – Она закинула руки ему на шею, ладони Жадова соскользнули ей на талию. – По закону, само собой. Если не передумал, конечно.

– Это я-то... я-то передумаю?! Ира, любимая... Господи...

Ирина Ивановна резко прижалась к нему – так, чтобы он не видел её лица и плотно-плотно зажмуренных глаз.

– Возвращайся скорее, – шепнула ему в ухо. – Возвращайся, я буду ждать.

Паровоз дал долгий гудок, Жадов нехотя отпустил Ирину Ивановну.

– Ну, милая, ну... обрадовала... – Он улыбался несмело, чуть растерянно. – Эх, ну куда мне вот ехать!..

– Куда надо, туда и ехать, – непреклонно сказала уже не Ирина Ивановна, но товарищ Шульц, замначальника оперативного отдела штаба Южфронта.

И поцеловала Жадова.

Дохнул паром локомотив, тронулись вагоны. Комиссар в последний момент вскочил на площадку, взмахнул фуражкой:

– Я тебя люблю!.. Слышишь?! Люблю!..

Ирина Ивановна кивнула – или просто склонила голову, потупившись?

Интерлюдия

Ленинград, лето – осень 1972

Конечно, после возвращения Юльки и Игорька поднялась ужасная суматоха. Все бегали, кричали и размахивали руками.

Бабушка ощупывала то Юльку, то внука, словно пытаясь удостовериться, что это не призраки. Николай Михайлович тоже обнял их обоих, а потом, охнув, присел к столу, держась за сердце, и Мария Владимировна тотчас захлопотала вокруг – «таблетку под язык» и прочее.

Сотрудники Николая Михайловича, его ученики и «посвящённые» – Миша, Паша и Стас – потащили Юльку к каким-то стендам, «словно ведьму на костёр». Все говорили разом, трясли её и дёргали, пока наконец не вмешалась бабушка и не разогнала всех по местам.

Да, здесь, в Ленинграде, не прошло и минуты. Точнее, не прошло и тридцати секунд. Никто ничего не понял, Юлька просто встала и пошла, в неё вцепился Игорёк, а потом они оба исчезли. Никаких тебе «порталов», вообще ничего. И наблюдать за ними было невозможно. Однако все не успели даже как следует испугаться, потому что пропавшие объявились обратно – правда, в совершенно иной одежде.

После этого они все отправились домой к Онуфриевым – Миша, Паша и Стас заявили, что немедленно умрут, если не услышат самого подробного рассказа о случившемся.

...Они долго, бесконечно долго пили чай с булочками, распространявшими по всей квартире упоительный запах корицы, а Юлька с Игорьком рассказывали, сменяя друг друга.

Стаса и Мишу больше всего интересовал сам перенос; Паша дёрнулся было сперва что-то записывать, но Мария Владимировна это заметила и карандаш с блокнотом у провинившегося немедленно конфисковала.

И потом, когда ученики профессора отбыли по домам, тут же затеяв новый спор об «источнике энергии переноса» и «уравнениях эфира», чета Онуфриевых снова села внимать повествованию наших путешественников, только теперь уже – про саму жизнь.

Бабушка слушала Юльку, её девчоночьи рассказы про мороженое, сладости, магазины, наряды; слушала, прикрыв глаза, и улыбалась. Дедушка слушал тоже, переспрашивал, потом достал вдруг старую-престарую, потёртую, пожелтевшую тетрадь, где выцветшими фиолетовыми чернилами шли какие-то записи, полистал, стал спрашивать, а не видели ли Юлька с Игорем такие-то и такие-то магазины в таких-то и таких-то местах, и когда ребята дружно кивали, радовался, словно ребёнок.

– Всё подтверждается. Всё сходится, – повторял он, делая пометки в уже новом, современном рабочем журнале. – Потоки очень, очень инерционны, инерционность просто потрясающая, несмотря на такие перемены!..

– Да, я это Юленьке как-то тоже объясняла, – заметила бабушка.

– И вот совершенно новая тема – временные интервалы пребывания!.. – профессор лихо радочно что-то записывал. – А ведь мы исходили, помнится, из линейности, одномерности и равной скорости течения. А получается, что... куда более сложная картина получается!.. – И карандаш его вновь стремительно нёсся по бумаге, оставляя затейливую вязь математических символов, греческих букв и прочего, из чего Юлька узнавала только скобки, плюсы да минусы. – Ребята вот спорили насчёт энергии переноса... откуда, мол, берётся у такой, как наша Юленька... и уж не в разной ли локальной скорости потока, создающей локальные же напряжения... – дедушка Игорька бормотал себе под нос что-то, сделавшееся под конец совер-

шенно неразборчивым, лихорадочно заполняя размашистыми формулами одну страницу за другой.

– Николай Михайлович ушёл в себя, – усмехнулась бабушка. – Не будем ему мешать, дети.

– А ведь выходит-то, что кадеты добились успеха, – осторожно сказал Игорёк. – Они хоть и не помнили никаких подробностей, но так, по обрывкам...

– Тоже, кстати, интересный феномен с блокировкой памяти, – кивнула бабушка. – Я бы списала его на побочные эффекты петлистой структуры континуума, похоже, правы были Николай Михайлович мой со Стасом, что структура именно петлистая...

– Да я не про то, ба! Я про то, что если кадетам удалось всё – то, значит, можем мы таки ждать изменений?

– Дорогой мой, ну я же говорила, бесчисленное множество раз...

– Так то теория, ба! А теперь у нас практика!

Бабушка вздохнула.

– Не знаю, дорогой мой. Вот Юленьке пыталась объяснить, да и поняла, что сама путаюсь. В единый миг иного мира у нас не настало. «Слава КПСС» как на всех углах висела, так и висит. Амальгамация, слияние потоков... не знаю, не знаю. Ум за разум заходит.

– А что, если ничего и не случится? – подала голос Юлька. – Что, если всё так и останется?

– Инерция потоков, деда сам сказал, – солидно подхватил Игорёк.

– Тогда, – медленно сказала бабушка, – у нас останется только один выход.

И выразительно посмотрела на Юльку, да так, что та задрожала.

– Твой талант, милая моя девонька, нуждается в развитии и огранке. Коль и впрямь у тебя этот великий дар – быть проводницей между потоками, ходить меж ними, словно по вагонам поезда, – то, может, ты поможешь нам с Николаем Михайловичем там очутиться? Взглянуть ещё хоть разок на город нашей юности... как раз я тогда в гимназию ходить начинала, пригостительный класс, затем первый...

– Э, э, ба, что это ты говоришь такое? – всполошился Игорёк. – А как же я?

– У тебя, мой дорогой, родители есть, – строго сказала бабушка.

– Ну да... – отвернулся мальчишка. – Мама в одной экспедиции, папа в другой... и не пишут, и телеграммы не шлют...

– В экспедиции, да, – строго сказала Мария Владимировна, но Юлька вдруг подумала, что как-то не слишком твёрдо она это произнесла, пряча неуверенность за показной строгостью. – Ты *там* был. Но для тебя, милый внук, это просто захватывающее приключение. Как там говорил Буратино? «Страшные приключения и ужасные опасности»? Вас, мальчишек, хлебом не корми, дай это пережить. А для меня, дорогой, это моя молодость. Детство. Улицы, что до сих пор помню. Вот и хочу хоть разок... снова на это всё посмотреть. Там ведь, милый мой, мои мама с папой живы. И я – маленькая – там где-то хожу. – Голос её дрогнул.

И наступила тишина.

– Так ведь я ж не могу так просто... по своему желанию... – пролепетала Юлька.

– Сможешь, – непреклонно сказала бабушка. – Талант твой пробудился. Теперь дело пойдёт, вот увидишь.

– Э, ба! Ты только смотри, там же всё равно не останешься! – пронизательно выпалил Игорёк. – Обратно сюда вынесет!

– Вот и хорошо. К тому же, дорогой, если здесь время почти что стоит, пока ты *там* – так в моём возрасте это особенно важно. – Бабушка уже улыбалась. – Ну, а теперь – спать! Мы и так вас замучили.

Жизнь изменилась разом, круто и необратимо. Куда больше, чем после того, как в Юльке открыли это самое «чувствование». Паша, Миша, Стас, «Эн-Эм», как звали они профессора

Николая Михайловича, бабушка – все трудились не покладая рук. Без конца заставляли Юльку лежать, обвешав всю её электродами. То и дело ей приходилось «мысленно открывать ворота», подробно представлять и вспоминать, «как оно всё было». Грелись паяльники, шипела канифоль, паялись новые схемы и одновременно выполнялись какие-то «темы», писались отчёты...

И так прошло лето.

И пожалуй, единственным, что стоило, по мнению Юльки, упоминания, стала новая её школьная форма – не из магазина, топорщащаяся, сидящая кое-как, а шитая на заказ у частного мастера, у Исаака Соломоновича, дородного и добрейшего, что возился с Юлькой так, словно предстояло ей в этой форме выходить самое меньшее на сцену Кремлевского Дворца съездов. И платьё получилось на славу, Юлька в нём казалась сама себе настоящей принцессой. Дорогая шерстяная ткань, юбка длиннее обычной, в духе той самой гимназической формы (которую Юлька бы сама носила в школу, не отличайся она всё-таки от дозволенной), из-за хорошего материала складки на юбке выходили очень красивыми. И сидело платьё как влитое.

Девчонки в классе от зависти лопнут.

А вдобавок на ногах у Юльки не стоптанные сандалеты, а кожаные туфельки на небольшом каблучке, ужасно стильные – чтобы уж совсем как принцесса.

...Так и наступил незаметно сентябрь. Вернулись в город, и Юлька уже чуть ли не хозяйски обосновалась в квартире Марии Владимировны и Николая Михайловича. И ей по-прежнему всё ужасно нравилось.

Нравилась своя небольшая комнатка, тихая и светлая. Нравились бесконечные ряды книг в библиотеке. Нравилась кухня с массой старинных вещей и вещиц, чудом уцелевших, как рассказывала бабушка, во всех революциях, войнах и даже в блокаде.

Кофемолка, отдельные мельницы для соли, перца и даже для сахара; ножи с костяными ручками, с инициалами «М.О.» в овале – бабушкин свадебный подарок («Тогда, в двадцатые, Юленька, ещё многое можно было, это после того, как НЭП прикрыли, оно-то всё и началось...»); Юлька охотно помогала с обедами и ужинами, ловко резала, чистила, месила. На коммунальной кухне так не поготовишь – там абы разогреть что-то побыстрее, да и сбежать.

В классе новое платьё с туфельками, конечно, заметили – девчонки шептались по углам, мальчишки тоже поглядывали – так, с каким-то новым интересом. Один попытался было дёрнуть Юльку за косичку, но тут вдруг вмешался Игорёк:

– Оставь её. Машку иди дёргай.

– А то что? – подбочился мальчишка.

– А то. Выходи после уроков махать во второй двор. Выйдешь?

И такая угрюмая, но явственная угроза прозвучала в этих Игорёвых словах, что обидчик стушевался.

– Да чего ты? Я ж так... больно надо мне кого-то дёргать! – и отступил.

Сидеть с мальчишками за одной партой в Юлькином классе было не принято, но из школы они с Игорьком по-прежнему ходили вместе. Новым было то, что и в школу они теперь ехали вдвоём.

Классная это, конечно, заметила.

– Маслакова, а ты это что же... вы с Онуфриевым что ни день приходите?

Юлька покраснела, смутилась. Промямлила что-то, и спас её только звонок с перемены. Вечером она всё рассказала бабушке.

– Вот как, – нахмурилась та. – Не волнуйся, милая, я этим сама займусь.

И занялась. Да так, что классная сама потом чуть ли не извиняться подошла:

– Юля, что же ты сразу не сказала, что твоя мама выполняет ответственное задание Родины на Крайнем Севере? Бабушка Игоря звонила директору.

– Так вы не спрашивали, Марь Иванна...

– Ну вот теперь спрашиваю. Тебе, значит, если что, то по домашнему телефону Онуфриевых звонить...

Уроки, однако, пролетали как в тумане. Юлька старательно учила (потому что Игорёк был твёрдым хорошистом, отставать было никак нельзя!), но поняла, что всё это стало просто фоном, надоедливой обязаловкой, которую надо волей-неволей вытерпеть, чтобы потом заняться *настоящим*.

А настоящее было – обуздать свой открывшийся дар. Научиться и впрямь открывать двери в иные потоки, неважно, эфир там или не эфир. Может, эфира и нет, а потоки есть, и кадеты в них живут очень даже настоящие.

И да, бабушке с дедушкой очень-очень надо побывать в городе их юности. Где всё почти точно так же, как они помнят. А для этого ей, Юльке, надо понять и повторить то, что она сделала в лаборатории, уже не случайно, а сознательно. Кроме того, стало интересно – а другие потоки есть? Николай Михайлович говорит, что, конечно, да, просто их «ещё не нащупали».

Вот вдруг она, Юлька Маслакова, их и сможет «нащупать»?

А ещё она наконец набралась смелости и спросила у бабушки, кто такой Илья Андреевич Положинцев? Он отсюда или нет? И как вообще аппарат оказался в подземельях кадетского корпуса?

Мария Владимировна нахмурилась.

– Догадаться, милая, в общем, было нетрудно, да?

– Конечно! Но почему он не признался? Он же видел, что мы с Игорьком отсюда! Мы ему прямо сказали!

– Потому что, милая, у всех наших посланцев там категорический императив – ни при каких условиях, никогда, ни за что не признавать тот факт, что они – от нас.

– Но почему же?! Мы же сказали!..

– Потому что это знание не может распространяться. Потому что – «что знают двое, то знает свинья». Поэтому Илья Андреевич всё отрицал, и правильно сделал. Только если бы явились те, кто его непосредственно знал здесь, и если бы не было людей того времени... тогда бы он заговорил. А так – кто знает, кто вы такие и откуда добыли информацию? Быть может, к примеру, кто-то схватил другого из наших, каким-то образом выбил из него сведения по жизни в 1972 году и теперь пытается воздействовать на самого Илью Андреевича...

– Нет, нет! – забывшись, воскликнула Юлька. – Не может быть! Чепуха какая-то! Он же видел, что мы – не гимназисты!..

– Илья Андреевич не знал, кто вы такие. Игоря он никогда не видел. В такой ситуации он мог только придерживаться нашего негласного устава – никогда и ни в чём не признаваться. Тем более... при наличии конкурирующей группы с совершенно иными убеждениями, чем наша.

– Дядя Сережа?

– Он и его единомышленники, да, – кивнула бабушка. – Вы могли оказаться кем угодно, даже... прости, милая... детьми из Большого Дома. Что ты так на меня смотришь? От товарища Никанорова ещё и не то ожидать можно. Николая Михайловича и меня он очень сильно не любит. Признаёт, что без нас ничего бы не было, но не любит всё равно. Считает врагами, недобитой контрой... в чём он, надо признаться, прав. Так что не удивляйся. Илья Андреевич поступил так, как должен был, как был обязан. Он же, надо полагать, и привёл машину в действие перед тем, как кадеты попали к нам сюда. А вот как и почему устройство сработало именно так, как сработало, – это вопрос. Возможно, само место... мы же не случайно ставили машину именно там. Вообще, когда всё это налаживалось, очень многого мы ещё не знали и не умели, не могли тогда шастать туда-сюда настолько свободно, как ты.

– Да я вовсе не шастаю! – запротестовала Юлька.

– Мы с Николаем Михайловичем никогда не бывали в другом потоке. Потому что хоть и открыли методы возвращения, хоть и отработали их, но риск всё равно оставался.

– Какой? – Юлька не отставала.

– У самого первого из наших путешественников, когда он возвращался обратно, не выдержало сердце, – сухо сказала бабушка. – А потом и у второго. Это едва не поставило крест на всём проекте.

Юлька мгновенно устыдилась.

– Но как же тогда... вы же мне сказали...

– Милая, – бабушка ласково погладила Юльку по волосам, – потом мы, конечно, научились. Ну, и посланцев старались отбирать поздоровее, без кардиологических проблем. А ты – ты, дорогая, это совсем другое дело. Машина ломает, крушит, рвёт... продирается через – или сквозь – эфир (оставим это название), словно ледокол через матёрые льды, волочит тебя за собой, и чем ты старше, тем труднее, особенно когда ты возвращаешься. А ты... ты проскальзываешь, прокалываешь, как иголка, и нитка за тобой тянется. Вот ты же просто взяла Игорьку за руку – и он за тобой отправился. Мальчики чуть бумаги не сгрызли, разбирая записи приборов: они были совершенно не такими, не как при обычной отправке. Так что ты, дорогая, и впрямь «чувствующая». Открывающая пути. Ты та, кто берёт за руку и ведёт... вот и я надеюсь, что ты сможешь нас с Николаем Михайловичем провести, пусть и ненадолго.

– Ничего себе «ненадолго»! Мы-то сколько там просидели!..

– А тут прошли считанные секунды. Полминуты. Так что ты понимаешь, дорогая, что это для нас будет значить.

Юлька кивнула. Она понимала.

– Ну, чего ещё спросить хочешь, неутомная ты моя?

– А как же такую огромную машину там соорудили?

– Блоки собирали здесь, понемногу туда перебрасывали; я тебе ещё не говорила, но ограничения на «мёртвую материю» при переносе существуют, и весьма значительные. Арсенал современного оружия ты с собой не потащишь. Кстати, твои подвиги навели нас на мысль, что именно тонкие структуры мозга, ответственные за взаимодействие с эфиром, как раз и обеспечивают перенос; а тащить на себе мёртвый груз – это как человеку рюкзак.

А в корпусе Илья Андреевич вообще сразу зарекомендовал себя как чудак. Вот как с поиском тех же подземных ходов, о которых и кадеты, и вы с Игорьком нам рассказывали. Тогда многие чудачества прощались. Даже поощрялись, что ли. «Есть о чём порассказать» на корпусном празднике.

Так что, милая моя Юленька, всё, с одной стороны, сложно, а с другой – всё просто. Мы хотели изменить прошлое... и наше, которое уже случилось, и то, которое сделалось бы будущим для потока наших замечательных кадетов. Их будущее, очень надеюсь, станет лучше нашего прошлого... а вот наше настоящее... – бабушка покачала головой. – Мы ждём. Потому что если кадеты выполнили то, о чём мы их просили, если им удалось уничтожить верхушку революционеров... не вздрагивай, милая, *à la guerre comme à la guerre*, то октябрьского переворота уже не могло случиться или большевиков бы задавили в самом начале. Во всяком случае, некому было бы отдать приказ об убийстве царской семьи.

– Значит, будем ждать?

– Не только, милая, не только. Ты будешь учиться искать пути.

И Юлька действительно училась.

Примчавшись из школы и наскоро поев, они с Игорьком неслись в институт к Николаю Михайловичу, где и начиналась *настоящая жизнь*. Включалась машина, аккуратно повышалась её мощность, теперь сделанная регулируемой; Паша, Миша и Стас нависали над вернее-

рами и циферблатами; Юлька натягивала на глаза плотную маску из чёрного шёлка и словно ныряла в золотистое море.

Это было как полёт в волшебном лесу через сплетения призрачно-золотистых ветвей. Они скрещивались, переплетались, перетекали одна в другую, пребывая в постоянном движении, а Юлька отыскивала дорогу, ныряла в тёмные пространства меж ними, ловко уворачивалась от внезапно поднимающихся сияющих столбов, избегала внезапно тянущих куда-то в сторону вихрей, кружений, так похожих на водовороты; иногда ей начинало казаться, что она словно мчится над широкой золотистой рекой, заключённой в берега темноты, но темноты не мрачной и не страшной.

Страшно было другое.

Страшными оказывались слепяще-белые воронки, где Юлька ощущала внезапные головокружения, где её начинало словно тянуть на «дно», чем бы тут это «дно» ни оказалось. Попадались и места, где это «белое» начинало литься сверху, словно гибельный водопад; приходилось уворачиваться, однако Юлька не боялась. Наоборот, её охватывал самый настоящий азарт – она должна добраться до той золотой реки! Вот просто обязана, и всё.

Всё это она проделывала, полулёжа в кресле, очень похожем на зуболюбное, – вся опутанная проводами, с электродами на лбу, на висках, на затылке, даже на запястьях. Щиколотки и талию охватывали мягкие кожаные ремни – Юлька сама не стремилась проваливаться сейчас в другой поток. Важно было именно отыскать путь, а не слепо броситься в омут.

Иногда ей казалось, что золотистая мелкая пыль, мелькающая, словно мошкара, вокруг протянувшихся в бесконечность ветвей, складывается в знакомые лица александровских кадетов, Ирины Ивановны и Константина Сергеевича; Юлька пыталась их окликнуть, позвать, но голос её тонул в золотистых сплетениях, слова не достигали цели.

А потом она получала команду вернуться. Игорёк брал её за руку (ужасно смущаясь при этом), и её, лежавшую с завязанными глазами, вдруг начинало тянуть обратно. Погружаясь глубоко в своё странствие, Юлька переставала слышать обычные голоса.

Профессор, Мария Владимировна и все трое учеников Николая Михайловича были очень довольны.

– Связь тонких структур с эфиром – несомненна! – Стас размахивал исчерканными листами, рядом валялись ленты самописцев. – Пики резонанса... здесь, здесь и здесь, самоодуляция Источником – несомненна также! Она нашаривает путь, Эн-Эм, видите?

– Вижу, вижу, – ворчал профессор. – А вы, дорогой мой, позабыли, что резонансы эти как раз и обозначают возникающее взаимодействие с эфиром, то есть наша несравненная Юлия не просто нашаривает путь, она его создаёт. Прокладывает.

– Везение, конечно, невероятное, – заметил на это Миша. – Идти по улице, нагнуться и подобрать бриллиант на сто карат. Или на двести.

– Теория притяжения подобий, – вскользь уронила Мария Владимировна, и Юлька тотчас пристала ко всем с расспросами.

– Если совсем грубо, то есть абсолютное предположение, что наши манипуляции с эфиром – или той субстанцией, что делает возможными перемещения между потоками, – притягивают тех, у кого структуры мозга в силу наследственности или ещё чего-то имеют сродство к взаимодействию с ним. Мы возимся с эфиром уже не один год, и... скажи, вы давно ведь живёте на Куйбышева?

– Мы переехали, когда... когда папа ушёл. – Юлька потупилась.

– Всё это, конечно, очень смутно и приблизительно, – поднял руку профессор. – Но ничего удивительного здесь нет. Мы же чувствуем, где Солнце, даже крепко зажмурившись. Свет проникает сквозь веки, кожа ощущает тепло...

– Вообще надо покопаться в твоей родословной, – заметила бабушка. – Маслакова – это...

– Это мамина фамилия.

Мария Владимировна кивнула.

– С твоего разрешения, милая, я займусь твоей семейной историей.

Юлька кивнула. Хотя чего там копать?.. Бабушек и дедушек она никогда не знала, родители отца жили далеко, их она вообще ни разу не видела. Собственно, она даже не знала, живы ли они. Мама о них никогда не говорила. А мамины папа с мамой погибли на войне...

– Посмотрим, подумаем. А пока что давайте-ка собираться. Вы уроки все на завтра сделали?

Юлька с Игорьком переглянулись. Уроки-то они сделали, но наспех, кое-как, потому что здесь, в лаборатории, было куда интереснее.

Стас, Михаил и Павел оставались – «обсчитывать результаты», и уже спорили, кто пойдёт за шоколадкой для «девочек» из вычислительного центра, когда двери лаборатории резко распахнулись.

Человек, представившийся профессору Онуфриеву «полковником Петровым», решительно шагнул через порог.

Впрочем, если он рассчитывал на немую сцену, то крепко ошибался. Николай Михайлович только хмыкнул, взглянув на полковника поверх очков, Мария Владимировна вздёрнула подбородок, спокойно собирая бумаги в сумку; Паша, Стас и Михаил тоже не сплеховали – кто выключал приборы, кто складывал ленты, покрытые целым лесом пиков.

Тем более что полковник явился один.

– Чем обязаны приятностью визита вашего, любезнейший? – осведомился профессор, и Юлька вдруг подумала, что так, наверное, обращаются только к лакеям. Кто таков этот человек на пороге, она не знала; но исходящую от него угрозу и недоброжелательство ощутила тотчас.

– Или вы теперь с обыском и в мою лабораторию? – продолжал Николай Михайлович. – В таком случае позвольте всё-таки ордер. И понятых. Кстати, я ведь тогда последовал вашему совету, Иван Сергеевич, – если, конечно, вы и в самом деле Иван и в самом деле Сергеевич, – и написал во все упомянутые вами инстанции. И в Ленинградское управление, и в обком партии, и в Москву, и в ЦК, и в Комитет партийного контроля. Юрию Владимировичу написал тоже, хотя едва ли она до него дошла, моя цидуля...

– Ваши жалобы попали по назначению, гражданин профессор, – холодно сказал «Петров». – Как вам должно быть известно, наши партия и правительство очень серьёзно относятся к сигналам с мест.

– Очень рад, любезнейший Иван Сергеевич. Однако рабочий день давно закончен, и, с вашего разрешения, я бы откланялся. Нам ещё ужин готовить.

– Чем же вы тут заняты так поздно? – «Петров» не сдвинулся с места.

– А вы разве не читали наши отчёты? – сварливо ответил профессор. – По хоздоговорной тематике в том числе? Миниатюризация спецapparатуры?

– Читал. Можете не сомневаться, гражданин Онуфриев, заслуги ваши и вашего коллектива не останутся без справедливого вознаграждения.

– Лучше выписали бы моим мальчикам пропуск в этот ваш распределитель. Или хотя бы в буфет Смольного. Ну, так зачем вы здесь, гражданин начальник? Если хотите что-то сказать, то могли бы и повесткой вызвать.

– Сказать-то хочу, гражданин профессор. Пока просто сказать. Ваша деятельность в последнее время вызывает много вопросов.

– Так задавайте и не тратьте даром моего времени, коль уж своего вам не жалко!

Однако задиристый тон профессора «Петрова» словно бы совершенно не задевал.

– Руководство поручило мне поговорить с вами со всеми. Да-да. Никто никого никуда не вызывает, совсем напротив. Даже внука вашего можно не убирать, пусть послушает. И девочка... Юлия Маслакова, не так ли?

Юльке сделалось ужасно страшно. Куда страшнее, чем в другом потоке.

– Что вам до девочки, молодой человек? – холодно осведомилась Мария Владимировна.

– Абсолютно ничего, гражданочка. Ну так вот, деятельность вашей группы вызывает всё больше вопросов. Нет-нет, гражданин Никаноров тут ни при чём. Он, как известно, трудится теперь вообще в другом месте. Нам очень бы хотелось получить принципиальные схемы вашей установки, граждане.

– Вы долго нас «слушали» во всех диапазонах, на всех длинах волн и убедились наконец, что мы не передаём ни в какие «заграничные центры» никакой информации, так, полковник? А поскольку и тридцать третий, и тридцать седьмой, и даже сорок девятый давно уже прошли, высосать «шпионскую группу» из пальца вам уже не позволило начальство, да, Иван Сергеевич? Никаких аппаратов у меня на даче вы не нашли, дома тоже. Стали пытаться исследовать этот, верно? А он ничего никуда не передаёт, никакой «дальней связи», что бы там ни утверждал бедный Сережа Никаноров. И вы оказались в тупике, любезнейший полковник – «Петров»? Ни у кого из моих учеников нет родственников за границей, никто не был на оккупированной территории, в плену, на работах в Германии, никто не замешан в этих глупостях «диссидентства», никто «вражьи голоса» не слушает, «самиздата» не имеет, не распространяет, не занимается спекуляцией, не извлекает нетрудовые доходы, не...

– Достаточно, – спокойно прервал его полковник. – Мы хотим понять, чем вы тут занимаетесь, граждане. За государственный счёт, между прочим.

– Вновь спрошу: отчёты и практические демонстрации наших разработок, доклады на конференциях, на совете генеральных конструкторов – этого недостаточно? – Взгляд профессора метал молнии.

– Нет. – «Петров» не отвернулся. – Всё это хорошо. И как я сказал, труд вашего коллектива будет оценён по достоинству. Но кроме всего этого, всех докладов и прочего, кроме всех представленных моделей и технологических регламентов – что делает эта установка?

– Вам какими терминами это объяснить, гражданин начальник? – сладким голосом осведомился Михаил. – Чтобы понять, простите, надо иметь степень кандидата физмат наук как минимум. Уж простите. Неофиту, человеку с улицы, это не объяснишь. Но если вкратце, это связано с созданием особым образом модулируемых вихревых полей... – И Миша завернул такую тираду, что у бедной Юльки ум мигом зашёл за разум. Если в математике у соратников деда она понимала хотя бы плюсы, минусы, степени и скобки, то тут – только «и», «вот» да «таким образом».

– Складно рассказываете, гражданин Черкашин. – «Полковник Петров» терпеливо дослушал всё до конца. – Что ж, тогда вашу талантливую команду не затруднит представить полное описание смонтированной в данной комнате № 401 установки, с приложением её, как я сказал, принципиальной схемы, равно как и ожидаемых результатов, что должны быть получены с её помощью?

– А на каком основании требуете, гражданин? – сварливо сказал Николай Михайлович. – Где приказ замдиректора по науке как минимум? Я вам не подчинён. Требовать с меня какие бы то ни было бумаги можно только по соответствующему разрешению прокуратуры. Эх, жаль, что не захватил я то письмо из ЦК, крепко там вашему брату доставалось – за обыск у меня без понятых, без ордера, без открытого дела. Думал, подействует, а нет! Опять явились *corpus delicti*¹ искать? И опять не как положено?

– Гражданин Онуфриев, – сухо и официально объявил полковник, – вы же понимаете, что приказ я вам организую в пять минут?

– Вот и организуйте. А пока никаких схем. У нас очередные отчёты на носу, да и хоздоговорную тематику никто не отменял.

¹ Состав преступления (лат.).

Полковник Петров постоял, молча глядя на профессора. Николай Михайлович заложил руку за борт пиджака, гордо выпрямился.

– Зачем вам это всем? – наконец пожал плечами «Петров». – Неприятностей захотелось?

– Каких таких «неприятностей»? Мы честные советские люди. Работаем. На ударной трудовой вахте, так сказать. А вы тут являетесь, мешаете научному поиску.

Полковник усмехнулся.

– На ударной трудовой вахте? Советские люди? Да на вас только глянешь – сразу беляк виден!

– Беляк – это заяц, уважаемый. А во мне с супругой моей видите вы, увы, исчезающую породу людей, гимназией воспитанных. Короче говоря, гражданин начальник, будьте так добры, принесите нам приказ.

– Что ж, принесу, – пожал плечами «Петров». – А вы, граждане Черкашин, Северов и Туроверов... вы подумайте над своими перспективами. Уверяю вас, в иных лабораториях вы сможете добиться куда большего.

– Спасибо, гражданин начальник, но нам и тут нравится.

Полковник вновь пожал плечами.

– Ждите официального распоряжения. За подписью директора.

Развернулся по-военному чётко, выполнил команду «кру-гом!» – и исчез.

– Ну и зачем ты дразнил гусей?! – сердилась Мария Владимировна по пути домой.

– Не «гусей», Мурочка, а всего лишь одного гуся. – Николай Михайлович пребывал в отличном расположении духа.

– Он же и впрямь может устроить нам неприятности.

– Неприятности? Чепуха, дорогая моя. Схему мы ему представим, честь по чести, доволен будет. Ручаюсь, целый их институт будет в ней о-очень долго разбираться.

– Но в конце концов они в ней разберутся.

– Именно, Мура. Разберутся.

– И?

– И теперь у нас есть Юля. «Чувствующая». Которая умеет открывать путь куда лучше наших машин.

– И ты думаешь... – Мария Владимировна вдруг сделалась очень-очень спокойна и серьёзна. – Что ждать больше нечего? Даже если кадетам всё удалось – нечего?

Николай Михайлович смотрел на дорогу, руки его спокойно лежали на руле.

– Мы много считали, Мурочка. Миша в особенности. Строили модели амальгамирования потоков – всё благодаря Юленьке. Вот уж поистине дар Божий...

– Не устаю Его хвалить.

– Так вот, по новым данным... мы эффекта можем и не дожидаться. Или дожидаться, но в совершенно не том виде, как нам казалось...

Юлька сжалась на заднем сиденье «Волги». От слов профессора и в самом деле повеяло вдруг тем самым «холодом» из книг.

– А это значит, что...

– Да. – Николай Михайлович был спокоен и твёрд. – Мы это с тобой обсуждали, Мурочка. Бабушка кивнула. И тоже сделалась вдруг словно ледяная, замерла, прикрыв глаза.

– Хоть сколько-то поживём по-людски.

– Да мы и так с тобой неплохо живём. – Бабушка по-прежнему не открывала глаз. – Но ты прав. Перестанем наконец дрожать...

– Но это только если *там* вышел иной исход.

– Именно. Если *там* вышел другой.

– И это мы скоро узнаем.

Дедушка с бабушкой замолчали. И до самого дома никто не проронил ни слова.

– Игорёш, о чём это они?

Юлька с Игорьком сидели в её комнатке, при свете лампы доделывая уроки на завтра. Первая четверть подходила к концу, приближались городские контрольные.

Сама Юлька сидела с ногами в кресле, держа раскрытый учебник английского. С ним у Игорька было куда лучше, чем у неё, и неудивительно – и профессор, и Мария Владимировна свободно изъяснялись и на английском, и на французском, и на немецком, и даже на неведомой прежде Юльке латыни.

– Ничего удивительного, милая, – ответила тогда бабушка на Юлькин смущённый вопрос, откладывая в сторону дореволюционное издание Виктора Гюго «на языке оригинала». – В гимназии учили, да так, что только держись. Три языка. Латынь, немецкий, французский. А латынь, дорогая, это такой язык, из которого вырастают очень многие современные, и когда его знаешь, то и другие освоить куда легче.

– Так и мы языки учим! Язык то есть...

– Учить-то учите, да выучиваете ли? В гимназии ведь как было? Не успеваешь, плохие отметки, экзамены не выдержал, переэкзаменовку провалил – всё, до свидания. Неучей да митрофанушек в гимназиях не держали. Кто не хочет учиться – до свидания. Вот мы и учились. Ну и... проще всё было. Кто хулиганит – учитель мог и за ухо к начальнику гимназии отволочь, в особых случаях даже выдрать могли. И знаешь, действовало!

Юлька тогда подумала, что кое-кого из их с Игорьком одноклассников точно не помешало бы выдрать; но слова бабушки запомнила.

– Так о чём это они? – повторила она, потому что Игорёк как раз морщил лоб, обдумывая, как лучше объяснить Юльке тему про «фьюче пёрфект ин зе паст», никак ей не дававшуюся.

– Да то ж дело нехитрое, – уныло ответил он наконец. – Дед и ба давно говорили, что, мол, если совсем тут прижмут, уйдут в *тот* поток. Насовсем уйдут, ну, до самой смерти.

– Ой... – задрожала Юлька. – Да как же они там будут? Они же старые!..

Игорёк вздохнул – очень по-взрослому:

– Помнишь, Константин Сергеевич тоже про это говорил? И дед тогда ответил, что, мол, это будет последнее средство, если «загонят в ловушку здешние власти предрержащие». Видать, опасается он, что таки загонят... Петров этот, что в лабораторию приходил... он же из Большого Дома, из Комитета... Значит, занялись всерьёз. Может, твой дядя Серёжа всё-таки достучался... до тех.

– А что там они «насчитали»?

– Маслакова! – возмутился Игорёк, правда, в шутку. – Ну откуда мне знать-то?! Тут такая физика-мизика, что ой!

– Насчитали, что ничему кадеты помочь не могли, а только навредить, да?

– Слушай, ну чего пристала? У деда спроси напрямик!

И Юлька спросила.

Николай Михайлович тоже вздохнул:

– Серьёзный вопрос, Юленька. Беда в том, что никто – и я тоже – не смог создать непротиворечивую модель, что и как у нас изменится. Приходилось палить, что называется, наугад. Да, да, Ирина Ивановна и Константин Сергеевич мне говорили, что это безответственно, что нельзя решать за всех, что нельзя вообще ничего делать, если точно не знаешь, чем это кончится... спорить не будем. Но вот теперь с тобой, дорогая, мы можем попробовать.

– Что попробовать? – Юльке было страшно. «Всё-таки я изрядная трусиха...»

– Попробовать увидеть в точности, что же там таки случилось. И может, понять, почему у наших любезных кадетов, как и у их наставников, напрочь отшибло память. Ты нам расскажешь, а кроме этого, мы многое поймём, считывая показатели работы твоего мозга. Ты у нас

всё-таки уникам. – Он положил руку Юльке на плечо, сильную, несмотря на годы, тёплую руку. – И надо торопиться. Видела гостя сегодняшнего? «Петров Иван Сергеевич», «полковник», ха-ха. Нет, может быть, и полковник. Но имя точно ненастоящее. Так что надо торопиться, Юленька. Надо торопиться.

«Торопиться» они начали уже на следующий день. Вахтёрша покосилась недовольно на Юльку с Игорьком и, едва они прошли, принялась накручивать противно визжащий диск телефона.

– *Куда следует* звонить кинулась, – хладнокровно заметила Мария Владимировна.

– Пусть звонит, – отмахнулся Николай Михайлович. – Схему мы им передали, пусть разбираются. Хорошая схема такая, подробная. Только ничего в ней понять невозможно.

Юлька не удержалась, хихикнула. Игорёк тоже. Сейчас это и впрямь казалось смешным, а не страшным.

...В лаборатории, в той самой «комнате № 401», всё пошло заведённым порядком. Юлька в маске полулежала в кресле, опутанная проводами, – ни дать ни взять Валентина Терешкова перед запуском в космос.

– Ты замечательно натренировалась, Юленька, – негромко говорил ей профессор. – Я это вижу – по сигналам, идущим от твоего мозга. Они изменились. Постарайся настроиться именно на то, чтобы увидеть наших кадетов; а после этого – может, завтра, может, послезавтра – уже мы с Мурой отправимся...

– Как, насовсем?! – с ужасом привстала Юлька.

Николай Михайлович только отмахнулся.

– Что ты, милая... какое там «насовсем». Так просто туда не прыгнешь, уж ты-то должна бы знать – если просто туда шагнуть, рано или поздно вынесет обратно. Поэтому нужны соответствующие меры. Ну и требуются, само собой, запасы. И материальные, и, так сказать, неовеществлённые. Знания прежде всего. Представь себе, сколько мы спасём жизней, развернув производство антибиотиков! Это, конечно, медицина, а не физика, но в химическом синтезе нам с Марией Владимировной тоже пришлось поднатореть, далеко не всё для наших машин можно было получить через Госснаб. Однако мы отвлеклись, дорогая. Ищи кадетов. Они – твои друзья, они в твоей памяти, а память – штука материальная. Она тоже способна взаимодействовать с эфиром – вернее, модулировать своё с ним взаимодействие. «Кто ищет – тот всегда найдёт», помнишь?

Юлька помнила.

...Сеанс начался как обычно. Прогрелись приборы, гудели усилители и попискивали выпрямители – а может, всё наоборот. Чем один прибор отличался от другого, Юлька не очень запомнила.

Виски слегка пощипывало. Кончики пальцев покалывало, однако этому Юлька была даже рада. Чем больше таких вот ощущений, тем ближе она к другому потоку.

И сейчас она уже почти привычно скользила, летела через золотой лес к той заветной реке, что – знала она – как раз и есть тот самый «поток», другая вселенная, другое время, слепок нашего мира, точно так же как наш мир – слепок бесчисленного множества других.

И да, как можно усерднее вспоминала: летние улицы Санкт-Петербурга и Гатчино, уютную квартирку Ирины Ивановны, свою кровать за ширмой, роскошного сибирского кота Михайлу Тимофеевича, что любил спать, привалившись к ней, Юльке, пушистым и тёплым боком, Матрёну, что пекла такие замечательные пироги, Федю Солонова, Петю Ниткина, таких далёких – и одновременно таких близких, так не похожих на мальчишек её класса (ну, за исключением Игорька); и она сама не поняла, как очутилась над раскинувшейся на необозримые пространства золотой рекой.

Это было словно в кино, когда снимают со стремительно несущегося на бреющем полёте истребителя. То и дело из золотистого тумана возникали образы, однако образы – Юльке знакомые и понятные, памятные с детства: выстрел «Авроры», красный флаг над рейхстагом, возвращение Гагарина...

Это было её время, её поток, а вовсе не тот, где побывали они с Игорьком!

...Однако именно здесь, где-то совсем рядом, были александровские кадеты. Юлька не сомневалась, она даже не верила – она твёрдо знала.

Поток расстился перед нею, невообразимо огромный, вмещавший в себя всё: вселенную ведомую и неведомую, бесчисленные галактики и звёзды, – но всё это тонуло в золотистом тумане. Юлька казалась себе птицей, что мчит над неоглядной рекой, настолько широкой, что берегов не видно.

Это было жутко, это было страшно, но это и захватывало, словно на американских горках, когда визжишь разом и от страха, и от удовольствия.

«Ищи кадетов. Ищи друзей. Ищи Федю с Петей».

И она нашла.

Так, наверное, перелётные птицы безошибочно возвращаются к старым гнёздам.

Так, наверное, кошки приходят домой, отыскав дорогу за много километров.

И так люди чувствуют, что их близкие в беде, – даже находясь за тридевять земель.

Спокойное течение золотой реки нарушилось, по поверхности змеились серые трещины, хотя какие трещины могут быть на воде, если только это не лёд?

Но они были, и это предвещало беду; у Юльки ёкнуло в груди. Холод мигом напрыгнул, охватил, окутал, заледенил не только живот, но и руки, и плечи, а сердце затрепыхалось пойманной птичкой.

И чем ближе подлетала она к центру этого безобразия, тем страшнее становилось, ибо река начинала закруживаться водоворотами, золотистое становилось сперва бесцветно-серым, а потом пугающе-чёрным, и это была чернота бездны, а не тёплый сумрак летней ночи.

Что-то очень-очень плохое творилось там. Юлька не знала, что именно, но чувствовала – словно по дамбе разбегаются предательские разломы, вода уже всю сочится сквозь них, запруда вот-вот не выдержит, и тогда поток ринется вниз, сметая и смывая всё на своём пути.

Но что же послужило причиной, где корень зла?..

Да вот же, вот!..

Чёрный блестящий пузырь абсолютного мрака, от которого в разные стороны тянутся всё расширяющиеся и углубляющиеся трещины. Юльку тянуло к нему с поистине неодолимой силой, словно Земля тянет к себе подброшенный камень.

Вот она уже совсем рядом... вот мчится всё быстрее и быстрее, стремительно снижаясь, устремляясь прямо на чёрный пузырь – а он в свою очередь становится прозрачнее, и сквозь него видны фигурки – словно в кино; а потом Юлька вдруг оказалась рядом, но не внутри, и голова её закружилась, навалилась вдруг такая тошнота, что в глазах потемнело, виски стиснуло болью.

Прямо под ногами – хотя ног у неё сейчас никаких не было – расползалась, стремительно чернела и распадалась прахом золотистая ткань великой реки. Юлька невольно вгляделась: исчезала не просто «ткань» – или «материя», как писали в умных книжках домашней библиотеки Онуфриевых, – исчезали бесчисленные человеческие лица, фигуры, улицы городов, незнакомые и знакомые; вот исчез на Юлькиных глазах Невский, рассыпался прахом Исаакий, рухнуло Адмиралтейство, накренился, погибая, Александровский столп.

Кажется, она закричала, не слыша собственного крика. Ужас обжёг ударом хлыста – такое было в раннем детстве, когда Юлька потерялась как раз на Невском, в подземном переходе на углу Гостиного двора и Садовой, возле Публичной библиотеки: просто вырвала у мамы руку и побежала прочь. А потом истошно рыдала, каким-то образом оказавшись у витрины конди-

терской «Север» (которую бабушка с дедом Игорька называли по-старорежимному «Норд»), пока её не подобрала милиция и не доставила в отделение, где мама её и обнаружила.

Тут ужас был ещё сильнее.

Юлька словно висела над погибающим родным городом – и видела причину.

Чёрный пузырь, и в нём – её друзья.

Да, именно они. Федя Солонов, Петя Ниткин. Ирина Ивановна с Константином Сергеевичем. И Костя Нифонтов, да, он тоже! Все пятеро – в чёрном пузыре, что-то делают, куда-то бегут, кажется, в кого-то стреляют...

Но они тонут!.. Тонут в этой бездне, погружаются всё глубже, и вокруг них гибнет и всё остальное.

Острое, холодное, словно свалившаяся за шиворот сосулька, осознание.

На миг Юльке стало даже смешно. Сосулька!.. За шиворотом!.. Это они в классе любили.

И наверное, это её и спасло.

На глазах расплывающаяся прореха в золотой реке её не засосала, не затянула; а она, Юлька, вдруг поняла, что надо сделать. Надо, чтобы этот тяжеленный чёрный шар не прорывал ткань реальности, чтобы он вернулся туда, где и должны пребывать кадеты, в их собственный поток.

И Юлька попыталась толкнуть этот шар. Смешно сказать – толкнуть, не имея рук; толкнуть, просто представив, как бурное течение обрушивается на этот, оказавшийся не на своём месте чёрный камень, подхватывает его, приподнимает над прорехой и несёт дальше – туда, где ему место, где должны быть оказавшиеся в нём люди и все их деяния.

Толкнула раз, другой, третий. Голова кружилась всё сильнее, и всё сильнее Юльке казалось, что она – рядом с самими кадетами, загнанными в тупик, прижатыми к стене, которым некуда отступать, но которые всё равно отстреливаются.

Отстреливаются до конца, опустошая магазины. Вокруг них вповалку лежали неподвижные тела в гражданской одежде, дверь в комнату была выбита, но наступающим это не помогало – коридор тоже устилала погибшие, истошно кричали раненые, а Ирина Ивановна с Константином Сергеевичем всё стреляли и стреляли. Кадеты, Фёдор с Петей, подтаскивали патроны, Костя Нифонтов же сидел, вжавшись спиной в угол, подтянув колени к подбородку и раскачиваясь, словно в трансе.

И стреляли Ирина Ивановна с подполковником совсем не так, как показывали в кино, – видно было, как даёт отдачу тяжёлый даже на вид пистолет Константина Сергеевича; кадеты, скорчившись за опрокинутой мебелью, лихорадочно набивали магазины патронами из вскрытых зелёных ящиков, так что стрелки только меняли пустые, ни на миг не прекращая огонь.

Но всё равно они тут завязли, завязли глубоко, словно машина на бездорожье; пузырь этот был вовсе не лёгким и летучим мыльным, напротив – тяжеленным, словно свинцовый шар. И сам по себе он никуда не собирался «уплывать», профессор ошибался, страшно ошибался!

Юлька вновь навалилась на чёрную сферу всем невеликим своим весом. Её по-прежнему не было тут, она не видела собственного тела, точно во сне. Но ей казалось, что она именно наваливается, упирается, что сандалеты скользят по влажной земле, будто она где-то на Щучьем озере играет с Игорьком и остальной компанией.

Ей было ужасно больно. Голова уже не просто кружилась, она горела, в глазах плавали блестящие стеклянистые точки и круги, однако она всё равно толкала.

Этого пузыря не должно здесь быть!

Не должно, любой ценой!..

...А потом он вдруг содрогнулся, пополз, поплыл, поднимаясь над зияющей пробоиной в золотистом потоке; поплыл, отдаляясь, унося с собой всё и всех, там находившихся.

Но не только там – сфера дрогнула, изменила форму, словно осьминог, выбросила тёмное щупальце, подхватила что-то и теперь уплыла окончательно.

Юлька замерла, где и была. Силы иссякли, она не могла двигаться, словно зависнув над чернотой пробойны.

Правда, там, «внизу», золотистый поток начал медленно сходиться, набегал со всех сторон на открытую рану, оставленную тёмной сферой. Золотое сияние затягивало, закрывало прореху, и Юлька, глядя вниз, вновь видела поднимающиеся из праха Исаакий и Казанский, Адмиралтейство и шпиль Петропавловки, Ростральные колонны и Эрмитаж...

«Это же мне кажется, просто кажется!» – твердила она себе словно заклинание. Не может же оно всё рушиться, а потом сразу же восстанавливаться! Это просто... просто кино!

Стало легче, но боль отступать не торопилась, и Юлька по-прежнему никуда не двигалась. Взгляд её прикован был к чёрной глобуле, что плыла вдаль, но поразительным образом никуда не уплывала – оставалась такой же, а вот золотистые леса вокруг менялись всё сильнее, и вот уже тёмная сфера достигает иной реки, столь же широкой и неоглядной; начинает погружаться в неё, и цвет её разом меняется – из чёрного делается серым, а потом и это бесцветье начинает уступать место всё тому же мягко-золотистому свечению; шар сливался с великой рекой, растворялся в ней, и вот он уже исчез полностью, скрылся, вернувшись туда, где должен быть.

Так вот отчего кадеты ничего не помнят – они очутились в безвременье, в сердце жуткого катаклизма, и время милосердно стёрло почти всё из их памяти. Но от чего такой катаклизм?..

Этого Юлька, само собой, не знала. Она просто висела, словно застывшая в полёте птица, видела, как затянулась окончательно чёрная дыра, понимала, что надо «возвращаться», но категорически не знала как. Голова так и кружилась, мысли путались. Она... должна... вернуться... вернуться... вернуться...

А когда голова наконец перестала кружиться, она поняла, что лежит на своей кровати в квартире бабушки и дедушки Игорёк, лежит, заботливо укрытая одеялом, а рядом сидит сам Игорёк. Сидит, весь какой-то словно почерневший, осунувшийся, глаза ввалились; на коленях книжка, но не похоже, что читает.

– Юлька... – услышала она его шёпот. – Ну очнись, ну пожалуйста... очень тебя прошу... ты же живая, Юлька... возвращайся...

А потом её взяли за руку.

И вот тут она поняла, что *пора*.

И окончательно открыла глаза.

Игорёк аж подскочил.

– Юлька! – заорал он. И сразу же: – Ба! Деда! Юлька очнулась!

Что случилось потом – не описать словами. И ба, и дед влетели в Юлькину комнатку, побив, наверное, все мировые рекорды в спринте.

Были слёзы, объятия, и снова слёзы, и опять объятия.

– Ох, ох, Юленька, как ты же нас всех напугала...

– Двое суток как мёртвая лежала!

– Ну не как мёртвая, Игорь, не придумывай!

– Как спящая – это да.

– Как Спящая красавица, – улыбалась бабушка сквозь слёзы.

– Именно! Просто как спит, только не проснётся никак!

– Но вот теперь-то проснулась наконец...

– П-простите... – всё, что пришло Юльке на ум в тот миг. – Я... я должна рассказать...

– Какие рассказы, милая, отлёживайся!

– Да я уж и так столько лежала!.. – Юлька попыталась спустить ноги с постели, но тут Игорёк с ба и дедом встали стеной, словно новгородцы перед псами-рыцарями, и Юлька оказалась повергнута обратно на подушки.

– Там такое... такое... – И она заговорила, поневоле сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое и возвращаясь обратно, но потом всё-таки сумела кое-как изложить всё увиденное более-менее внятно.

В комнатке воцарилась тишина.

– Что ж, – выдохнул наконец Николай Михайлович, – самое главное, Юленька, что ты жива и здорова. Всё остальное – вторично.

– А кадеты? – не выдержала Юлька.

– И кадеты тоже. Но с ними всё кончилось благополучно, они вернулись в свой поток, ты с ними чай гоняла, – улыбнулась бабушка. – Гораздо важнее, что с тобой приключилось!

...Юлька потеряла сознание далеко не сразу, рассказывал дедушка. Сперва «с тебя шли данные, потоком, каких никогда ещё не было. Невероятная активность, пространственно-распределённая, – Стас всё грозит разработать транслятор, но это, понятно, дело не сегодняшнего дня. Мы видели, как твой разум взаимодействует с чем-то совершенно непредставимым...»

– И конечно, то, что ты видела, – это не на самом деле, – продолжила бабушка. – Это сознание твоё старалось представить тебе происходящее в хоть сколько-то понятном виде. Но вот все эти видения катастроф – они не просто так. Мы зафиксировали очень необычные активности эфира, его возмущения. Ты, милая, уже не просто «чувствующая» – ты способна на куда большее. И самое опасное тут кроется в том, что мы понятия не имеем, как это скажется на нашем времени, как отзовётся в нашей реальности.

– Но пока что ясно, что не произошло ни расхождения, ни, напротив, амальгамирования потоков. – Николай Михайлович оставался спокоен, хотя Юлька видела, чего ему стоит это спокойствие. – Никакие изменения в нашем прошлом, неважно, внесённые людьми ли из нашего потока или из иных, невозможны. Теория на этот счёт оставалась весьма смутной, но теперь мы получили экспериментальные подтверждения. Поток скорее разрушится, или же в нём возникнут локальные турбулентности... или не очень локальные... но изменения не двинутся против тока времени. Не перейдут в наше «сегодня». И это значит, – голос его упал до шёпота, – что усилия наши тщетны. Бедная Россия, Господи, несчастная наша Родина... – Он замер, закрыв лицо ладонями.

– Как знать, дорогой, – непривычно мягко сказала бабушка, обнимая профессора за плечи. – Как знать, изменения могут отозваться совсем не так, как нам кажется, и над Кремлём ещё появится наш флаг!

– Отчего ты так думаешь? – искренне удивился профессор.

– Действие было совершено. Реактивность эфира нам известна. Собственно, об этом ещё древние греки догадывались, особенно гностики. Мы с тобой эффекта можем не дожидаться, но вот они, – она указала на Игорьку с Юлькой, – вполне смогут. Я надеюсь.

Николай Михайлович хмыкнул.

– Может быть. А может быть, и нет. Наука, дорогая, не оперирует подобными категориями. Вероятность, которую можно подсчитать, – да, но не «может быть». Так или иначе, нам с тобой пора... готовиться.

Мария Владимировна кивнула.

– Только чтобы с Юлей уже такого бы не приключилось.

– Не, не будет, – решительно сказала сама Юлька. – Я Игорьку провела, и ничего. А тут совсем другое было!

– Вот и я тоже так думаю, – кивнул профессор. – Ну, а мы с Мурой станем собираться. Выжимки из книг, оборудование, ценные вещи... ну, и «якоря», чтобы нас не вынесло обратно.

– А и вынесет – не беда, – подмигнула бабушка. – Юля, если что, нас обратно отведет.

– Эх у вас всё просто выходит, – буркнул Игорёк. – А я что? Я куда?

– Решим по ходу дела, – отрезал Николай Михайлович. – Не пропадёшь, мой дорогой, в любом случае. А если поучишься в тамошней гимназии, то, право же, тебе не повредит.

– Теперь главное – Юленьке поправиться окончательно.

– Не, не, ба, дед! Вы что это всё за меня решили?! – возмутился Игорёк.

– Дорогой, – ласково сказала бабушка. – За тебя мы решить ничего не могли. Мы решили за себя. Прости, милый внук, но мы с дедушкой уже старые. Опять же прости, я знаю, ты не любишь эти разговоры, но жить нам осталось недолго. Может быть, пять лет, может, семь или восемь. Это тебе сейчас кажется, что «завтра никогда не наступит», а пять лет – это вообще вечность. Поверь, милый, просто поверь, что для старых людей это не так. Время течёт для нас куда быстрее, во всяком случае, нам так кажется. И это очень для нас важно. Мы не можем сидеть здесь, если знаем, что ничего исправить уже нельзя.

Профессор вздохнул. Он глядел куда-то поверх Юлькиной головы, и она вдруг подумала, что он сейчас может чувствовать: всё, над чем он работал, чем жил, вдруг обратилось в ничто!..

А Николай Михайлович словно бы прочёл эти её мысли.

– Ты знаешь, Юленька, один раз мы уже это проходили. Когда всё рухнуло, всё погибло, Белая гвардия уходила из Крыма. Она уходила, а мы – мы с Мурой остались. Потому что хотели бороться и дальше. Крушение всех надежд мы уже пережили, пусть и пятьдесят лет тому назад, но пережили. Сейчас это уже легче. Даже какое-то... облегчение, что ли.

– Для всех мы уйдём на пенсию. Таковую, не совсем настоящую, в институте останемся консультантами, – продолжила бабушка. – Будем... возвращаться порой. Я надеюсь, что ты не откажешься нас проводить обратно?

– Но как же вы вернётесь сюда? – беспомощно переспросила Юлька. – «Якорь», вы говорили, чтобы там удержаться?

– Якорь на то и якорь, что его можно поднять, а можно и отдать, – усмехнулся профессор. – Нам ещё предстоит над этим немного подумать. В конце концов, какое-то время есть... как раз хватит, чтобы воплотить идею в, так сказать, металл.

– Пока наш дорогой «полковник Петров» разбирается во вручённых ему принципиальных схемах, – улыбнулась бабушка.

– Зато когда разберется, ох и осерчает же!

– А пусть себе серчает. Нас тут уже не будет.

– А когда вернётесь? Вы же вернётесь, да?

– Ну конечно, – успокоила Юльку бабушка. – С твоей помощью, дорогая. Видать, пора и в самом деле заняться тем потоком по-настоящему. Чтобы никаких большевиков. Чтобы телевидение, антибиотики и всё прочее. Чтобы ни Сикорский, ни Зворыкин, ни Сорокин никуда не уезжали.

– Это кто такие? – удивилась Юлька.

– Узнаешь, – отмахнулась бабушка. – Выдающиеся конструкторы, инженеры и основатель науки социологии. Сейчас это не так важно. А важно то, что мы старались вмешиваться осторожно и аккуратно. Спасение Александра Сергеевича Пушкина стало нашим самым дерзким актом.

– Разве? – поднял бровь Николай Михайлович. – А как же Борки?

– Не путай бедную девочку, – строго сказала Мария Владимировна. – Она ни про какие Борки отродясь не слыхала, и это не её вина. Двумя словами – когда нашему посланцу удалось предотвратить покушение на императора Александра Третьего, в силу чего он благополучно и доцарствовал до времени наших храбрых кадетов. Но теперь, Юленька, ясно, что действовать надо ещё более активно. Те же лекарства, методы лечения, технические усовершенствования...

– А почему же вы раньше этого не делали? – не удержалась Юлька.

– Не хотели зряшного внимания, дорогая. Представь себе, что случилось бы в том потоке, просочись туда сведения о нас, или если бы мы в открытую стали размахивать направо и налево

чудесными диковинками. Мы помогали, но тихо, осторожно, незаметно. Сейчас мы тоже не намерены бить в барабаны и трубить в трубы, но всё-таки будем более активны.

– Мы многое знаем и можем, – подхватил профессор. – Физика, химия, электротехника, фармацевтика, мы много где сможем помочь. Кое-где достаточно будет просто слегка подтолкнуть, подсказать верное направление, как с тем же пенициллином. Но всё это не сразу. Сперва устроиться, опять же, смонтировать новую, более мощную машину – что так и не удалось бедному Илье Андреевичу. Потому что и впрямь не можем же мы бросить вас тут одних! Что вы тут станете делать без взрослых?

– Так мы тогда с вами, выходит?

– На какое-то время – несомненно. Со школой мы всё уладим.

Как-то это всё равно было странно, и Юлька беспокоилась всё сильнее – кувырком должна была полететь такая замечательная, такая хорошая жизнь!..

– Знаю, вы волнуетесь, – бабушка погладила Юльку по голове. – Конечно, родная, нам с Николай Михайловичем очень грустно, просто мы стараемся не показывать вида. Мы очень надеялись победить здесь, где мы родились, где сражались, где хоронили друзей... Господь судил по-иному. Что ж, в том потоке – такие же люди. Даже, наверное, в чём-то лучше, хочу верить, что по причине спасённого нашими стараниями Пушкина. Ты там побывала, Юленька, ты видела своими глазами – там можно многое изменить, многое сделать лучше. А здесь... может, Ирина Ивановна Шульц и в самом деле права? Можем ли мы решать за всех, живущих здесь и сейчас? Да, большинство людей, наверное, и не хотели бы иной жизни. Стоят в очередях, поругивают власть, рассказывают анекдоты, но...

– Но всё равно каждый раз ждут, что Чапай выплывет, – добавил профессор.

– Вот именно. Ждут, что выплывет. Помню, когда с гостями нашими спорили, с Ириной Ивановной, как раз и выходило – что народ к другой жизни уже привык, старая не нужна. Но... мы-то рассчитывали, что эта жизнь изменится сама по себе, а она, выходит, не изменится... или очень не скоро... Так что лучше, пожалуй, нам и впрямь заняться тем потоком. Тем более что тропинка уже, получается, натоптанная – за то тебе спасибо, дорогая.

– Короче, будем готовиться, – подвёл итог Николай Михайлович. – А ну, выше нос, дорогие мои! Всё устроится, вот увидите. И вам самим – разве не хочется вновь туда отправиться, увидеть друзей?..

Юльке хотелось. Игорьку явно тоже.

– Всё будет хорошо, – хором сказали старшие.

Юлька им верила.

Глава 9

Россия, лето 1915

И вновь кипел штаб Южфронта, кипел свежими людьми в новенькой, с иголки, форме – старые фабрики и ателье, «строившие» ранее гвардейские мундиры, дружно перешли наконец на новые образцы. Пестрело в глазах от разнообразных геометрических фигур в петлицах, а на груди новоиспечённых краскомов было пока что девственно-чисто. Редко у кого мелькнёт орден Красного Знамени, но таких было мало.

Прорывы белых всюду удалось остановить. Враг не достиг Воронежа, после взятия Икорца добровольцы прошли ещё целых сто с лишним вёрст до Старого Оскола, где наступление их наконец выдохлось – красные подтянули многочисленные резервы, зарылись в землю. На севере разъезды белой конницы шарили у Колодезного, но перерезать стратегическую рокаду Воронеж – Курск так и не смогли.

Повсюду на фронте велись, как указывалось в сводках, «бои местного значения» или «поиски разведчиков». Южные армии красных набухали людьми, словно снег – вешними водами, готовясь вот-вот уступить место настоящему половодью.

Ехали уже не «пролетарские полки», но старые, регулярные части, многие – укомплектованные ещё маньчжурскими сверхсрочниками. Прибывали артиллерия и боеприпасы, целыми эшелонами доставлялись снаряды, шли тяжёлые орудия; и замначальника оперативного отдела штаба Южного фронта Красной армии товарищ Ирина Ивановна Шульц скрупулёзно отмечала всё это на картах, так что хвалили даже опытные «военспецы».

И всё чаще в коридорах звучало:

– Пора бы и наступать!

Наступать и впрямь было пора. Гетманцы сидели за Днестром тише воды ниже травы, поддерживаемые германскими и австрийскими штыками, на восток пока не лезли; это надлежало использовать, не дожидаясь, пока свидомые парубки не решат, что настал отличный момент захватить всё Левобережье.

В самом начале июня на харьковский вокзал прибыл «особый литерный» состав, поезд из числа «императорских». На нём теперь раскатывал народный комиссар по военным и морским делам товарищ Троцкий. Формально Красной армией по-прежнему командовал старый генерал Брусилов, но реальные приказы отдавал именно Лев Давидович.

С ним вместе прибыл целый полк охраны – балтийские матросы, «ударные пролетарские сотни», интернациональный батальон.

– Ну, товарищи, докладывайте обстановку!

Товарищ Троцкий не умел просто ходить. Он всегда не шёл, не шагал, он словно летел, почти не касаясь земли. Сила и порыв в нём крылись поистине фантастические, и всех вокруг он буквально заражал своей энергией.

Весь штаб Южфронта стоял навтыжку перед огромным столом, заваленным картами. Самую крупную, какая только нашлась, водрузили на стену; товарищ Троцкий не очень хорошо видел, и потому Ирина Ивановна все значки наносила втрое крупнее, чем полагалось уставами.

– А, товарищ Шульц! – Троцкий блеснул улыбкой. – Рад, рад, душевно рад! Вижу, что вы нашли себя, и поистине, в штабной работе наконец-то наведён порядок!

– Служу трудовому народу, товарищ народный комиссар! – отчеканила Ирина Ивановна.

– Прекрасно, прекрасно! – Лев Давидович довольно потёр руки. Оглянулся – лощёный адъютант, явно из гвардейского полка, живо подставил ему кресло. – Докладывайте. Вы, товарищ Сиверс?

Командующий Южфронтом нервно вытер руки о галифе. Правда, заметила это одна лишь Ирина Ивановна, так и оставшаяся стоять у карты.

– Обстановка, товарищ нарком, такова...

Надо признать, докладывал Сиверс чётко и дельно. Противник всюду остановлен. Ему нанесены весомые потери, добровольцы перешли к обороне. В бой оказались втянуты все резервы белых, а потому сейчас самый момент перейти в решительное наступление. Царские войска глубоко вклинились в нашу территорию, однако в этом для них кроется и большая угроза – мы нависаем над их флангами. Два достаточно мощных удара по сходящимся направлениям могут привести...

– Именно так я это и задумал! – перебил Лев Давидович. – Окружить и уничтожить! То, на что не способны оказались битые царские генералы, осуществим мы – командиры пролетарской армии новой России! Соберите лучшие дивизии! Чтобы у нас было впятеро... нет, вдесятеро больше сил на участках прорыва! Неудачи не должно быть, помните! Потому что с теми, у кого сплошные неудачи, разбираться будет наш секретно-исполнительный отдел. Товарищ Бешанов, шаг вперёд!

Товарищ Бешанов шагнул, и глаза Ирины Ивановны едва заметно сузились. Сузились на миг, и вот уже вновь сделались прежними.

– Он прекрасно провёл кампанию по изъятию излишков хлеба у контрреволюционного казачества, конфисковал большое количество оружия и уничтожил множество готовых выступить против советской власти царских наймитов. Так что не сомневайтесь, сумеет разобраться и с теми, кто станет действовать недостаточно решительно. Помните – никакой пощады контрреволюционерам! Мы обязаны разгромить их раз и навсегда, чтобы отсюда, из отсталой и тёмной России, хлынул бы во все стороны свет мировой пролетарской революции!

Бешанов, подбоченившись, обвёл приумолкнувших краскомов нехорошим, прищуренным взглядом – словно мясник, явившийся выбрать пару-тройку поросят для вертела.

Повисло неловкое молчание. Далеко не все испугались – трое или четверо комдивов глядели на Бешанова безо всякого страха, и Ирина Ивановна заметила, как губы Йоськи Бешеного чуть дрогнули, искривились – он тоже это увидел.

– Итак, какие дивизии вы предполагаете сосредоточить для удара? – как ни в чём не бывало осведомился Троцкий у Сиверса.

Тот начал перечислять номера частей, количество штыков, сабель, орудий и пулемётов, но Лев Давидович лишь небрежно помахал рукой.

– С этим, товарищ Сиверс, вы разберётесь сами. Нет, я спрашиваю – каково качество этих дивизий? Они из полков старой армии или уже нового формирования? Каков процент сознательного пролетариата и беднейшего крестьянства? Процент добровольцев? Какие комиссары там работают, каково настроение бойцов? И не перекладывайте это на военный совет! Комфронта отвечает за всё, помните это.

Сиверс не то чтобы побледнел, но кулаки у него сжались. Гордость его была явно задета.

– Дивизии, товарищ Троцкий, в основном старые. Новые, пролетарские, как я не раз докладывал и вам, и товарищу главкому, понесли большие потери в боях зимы и весны. Наступление, предпринятое Южной ревармией товарища Антонова-Овсеенко, обернулось Юзовской катастрофой и разгромом наиболее мотивированных, укомплектованных сознательным пролетариатом и балтийскими матросами частей. Кампания по сбору хлеба на Дону, при всей её необходимости, привела к шатаниям в части отправленных туда полков, бойцы из мобилизованных крестьян, даже бедняков, не видели в белоказачестве своих врагов, несмотря на всю разъяснительную работу наших комиссаров...

Ирина Ивановна взглянула на Сиверса с невольным уважением. Он не боялся, хотя слухи о том, какими методами товарищ наркомвоенмордел наводит порядок, широко распространились по фронту.

Лев Давидович дослушал до конца, улыбнулся снисходительно, словно вынужденный объяснять прилежному, но не слишком способному ученику то, что его товарищи по классу давным-давно уже усвоили.

– Вы, товарищ Сиверс, не понимаете всю остроту текущего момента. Отсюда и ваши рассуждения, словно позаимствованные из замшелых драгомировских учебников. Ну, вижу, рвётесь что-то сразу возразить. Возразите, мы не боимся дискуссий. Лишь бы они потом не повлияли на исполнение приказов.

– Товарищ народный комиссар... положение наше на сегодняшний день вполне выигрышное. Как ни посмотри – с точки зрения ли военспеца или политработника... Враг в полуокружении, его лучшие части уже обескровлены, а новые взять неоткуда, самые упорные защитники старого режима уже полегли. Те кадровые офицеры, что приняли нашу сторону, служат вполне хорошо, факты измены крайне редки... Мы можем выстроить за Воронежем ещё десять оборонительных рубежей, если надо, и пока враг их прогрызёт, от него вообще ничего не останется. Если вы считаете, что надо поступить именно так, то мы, командование Южфронта, разумеется, выполним приказ – но я считаю, что мы сейчас можем одним ударом покончить с беляками, сбросить их в море, пленить царя или вынудить его к позорному бегству. Мы превосходим противника по численности самое меньшее в пять раз. Если не наступать сейчас – то когда же? А для наступления мы как раз и планируем использовать старые кадровые части.

– Вы закончили? – вежливо осведомился Троцкий.

Сиверс кивнул. У него заметно дёргался кадык.

– Во-первых, товарищ Сиверс, – спокойно и даже вкрадчиво начал Лев Давидович, – вы ломитесь в открытую дверь. Я уже сказал, что наступление – это моя идея. Во-вторых же, наша победа должна быть достигнута силами новой армии. Красной армии. Пролетарской армии. Военспецы и прочее – не более чем инструмент. Поэтому так важны успехи, одержанные именно нашими рабочими полками. Поэтому мы с товарищем Лениным были так огорчены неуспехом Антонова-Овсеенко – типичнейшая партизанщина, самовольство, прикрытие незнания и неумения трескучей революционной фразой! А вы, гражданин комфронта, допустили эту катастрофу!..

Наркомвоенмор словно забыл, что Южфронтом изначально командовал именно Антонов-Овсеенко, а Сиверс был у него заместителем. Товарищ Троцкий предпочёл об этом забыть.

– И теперь в старых дивизиях, хоть и перешедших на нашу сторону, – продолжал Лев Давидович, – распространяется поверье, что, дескать, это они спасают революцию. Разумеется, мы проведем соответствующую работу, но победа должна быть достигнута не царской армией, просто поднявшей новые знамена и поменявшей номера дивизий! А новой, нашей, рабочей Красной армией, новыми командирами, да-да, такими, как вы, товарищ Сиверс. Вы можете гарантировать успех наступления? Или, быть может, лучше и впрямь построить десять оборонительных рубежей и дожидаться, пока белые расшибут о них твои толоконные лбы?

По вискам Сиверса обильно стекал пот.

– Победа. Должна. Быть. Нашей! – Троцкий словно гвозди вгонял каждым словом. – Никаких «может быть», «хорошие шансы» и так далее! Нам нужен успех, товарищ Сиверс, но не просто успех! Немцы в Прибалтике и за Днепром только и ждут момента, чтобы двинуться дальше на восток! Вам известно, что они с австрийцами перебрасывают к линии боевого соприкосновения с нами кадровые, полностью отмобилизованные дивизии? Да, они ждут, они ведут сложную игру, они помогли нам разобраться с Временным собранием, но теперь у них проснулся настоящий аппетит. А нам требуется некоторый срок, чтобы провести соответ-

ствующую работу среди пролетариата Германии – пролетариата, одетого в солдатские шинели и брошенного туда, где вот-вот может появиться новый фронт – от Балтийского моря до Чёрного! И нам нужна твёрдая власть – от Петербурга до Севастополя! Это лишь первый этап грядущей мировой революции, однако без него не обойтись. Поэтому, товарищ комюжфронта, вы должны не просто наступать – вы должны одержать решительную и полную победу. Которой добьются наши пролетарские полки, дивизии и корпуса. Не можете обеспечить эту победу – скажите об этом честно, как большевик, прямо сейчас. Мы, – его голос вдруг упал почти до театрального шёпота, – обеспечим вам замену.

При этих словах Бешанов приосанился и подался вперёд, гордо закладывая ладони за ремень.

Но и Сиверс был сделан не из песочного теста. Пусть его и прошиб пот, однако голос его не дрожал, и отвечал он твёрдо:

– Ваши распоряжения, товарищ народный комиссар, будут безусловно выполнены. Да, я ручаюсь в успехе. Да, мы, конечно же, сделаем так, чтобы слава досталась нашим рабочим дивизиям...

– Сведите разрозненные батальоны и полки, где много пролетариата, особенно добровольцев, в особые дивизии, – властно перебил Троцкий. – Используйте их для достижения конечного успеха, пусть старая армия пробивает оборону белых. Вот товарищи Будённый и Ворошилов хорошо воюют, смело! Доверьте им, к примеру, наши новые конные части, из красного казачества и других.

– Будет исполнено! – отчеканил Сиверс.

– Когда вы планировали наступать? – вдруг совсем иным тоном спросил Троцкий.

– По нашему изначальному плану – через две недели... дождавшись полного сосредоточения...

– Вздор! При пятикратном перевесе вы уже сейчас можете прорвать белый фронт, не дожидаясь, пока они сами закопаются в землю. Начинайте операцию немедленно! Сколько у вас наличных сил сосредоточено непосредственно для нанесения удара?

– Пока ещё несколько, мы планировали сделать это в последние трое суток, дабы сохранить в тайне направления наших главных ударов...

– Начинайте переброску немедленно. Я лично приму на себя координацию действий Южного и Юго-Восточного фронтов. Штаб мой разместится здесь. Товарищ Шульц, проследите за соответствующим оформлением всех приказов! И мне на подпись как можно скорее! Вам всё понятно, товарищи командиры?

Ответом были молчание да кивки.

– Превосходно! – Троцкий обвёл всех горящим взглядом. – Сон, еду и прочие, как говорится, «буржуазные излишества» надлежит свести к абсолютно необходимому минимуму. Неудачи, как я сказал, не должно быть. Мировая революция ждёт нашего успеха. Приступайте к работе немедленно!

Встал, резко крутнулся на каблуках и вышел – почти вылетел – в сопровождении всей своей свиты. Последним уходил Бешанов.

Энергия Льва Давидовича Троцкого, казалось, способна распространяться прямо «через воздух», заражая всех вокруг. Посыльные раньше ходили – теперь бегали, да не просто так, а и впрямь «сломя голову»; пишущие машинки трещали, словно целая пулемётная рота, пишбарышни старались как могли.

– Прошу заметить, товарищ Сиверс, что такое количество вольнонаёмных в штабе фронта – большая угроза утечки секретных сведений.

Ирина Ивановна Шульц смело и даже с вызовом глядела в глаза комфронта. Тот явно нервничал – приезд Троцкого всех выбил из колеи, и куда больше, чем все на свете прорывы

белых. Особенно – команда Бешанова. Эти немедленно заняли здание Харьковской ЧК, а уже через сутки последовал расстрел «с распубликованием в газетах».

Расстреляли дюжину «бывших». Купцов, священников, пару старых, вышедших в отставку генералов, доживавших свой век в имениях на Харьковщине и решивших почему-то, что их никто не тронет. «Распубликовано» было, что все казнённые были «агентами царской охранки». «Эта же участь, – предупреждала статья в «Харьковской правде», – ожидает любого изменника народной власти!»

Бедняга Яша Апфельберг совсем сник. С бойцами батальона ещё держался, а потом запирился со своей казачкой и плакал.

– Вы преувеличиваете, товарищ Шульц.

– Ни в малейшей степени, товарищ командующий. Через наше машбюро проходят все приказы штаба фронта, даже совершенно секретные. А кого набрали туда работать? Насколько тщательно их проверили, этих пишбарышень? Они грамотные, служили в конторах присяжных поверенных, в городской Думе, в банках... как вы думаете, преданны ли они всей душой нашей пролетарской революции?

– Так ведь, товарищ Шульц, вы тоже не из пролетариата... – не растерялся Сиверс.

– Не из пролетариата, верно. Зато я Таврический штурмовала! А они?..

– Что вы предлагаете, конкретно?

– Поручить ЧК тщательно проверить всех машинисток штаба – это раз. Ввести правило, что документы с грифом «особо секретно» и «совершенно секретно» печатать могут только командиры штаба.

Последнее Сиверсу совсем не понравилось.

– Да вы что, Ирина Ивановна! У нас никто печатать не умеет, одним пальцем ударяя, круглые сутки сидеть станем!

– Я умею. Можете мне давать.

– У вас другие обязанности! – всполошился Сиверс. – Держать все документы в порядке! Лев Давидович, кстати, отметил образцовое ведение дел... Так и надо продолжать!

– Ну, смотрите, товарищ командующий. Потом не надо меня винить, что, дескать, беляки что-то сумели разузнать. Вообще отношение к секретному делопроизводству в штабе совершенно нетерпимое. Я делаю всё, что могу, у меня ни единой бумаги на виду, всё в сейфах, а черновики оперативно уничтожаются; в то же время многие краскомы, особенно не из военспецов, разбрасывают служебную документацию, доклады с мест и штабную переписку где попало, с теми же пишбарышнями крутят, простите за такие подробности, романы, склоняют к сожительству, а для пущего эффекта болтают языками, хвастаются своей «осведомлённостью». Да, и, кстати, я заметила – печать штаба фронта у вас, товарищ командующий, на столе стоит, а не в сейфе, как положено.

– Хорошо, хорошо, товарищ Шульц! Возьмите на себя печать наиболее ответственных и секретных документов. В этом, пожалуй, есть известный резон. А печать...

– Должна быть в сейфе, – железным голосом повторила товарищ Шульц.

Сиверс поморщился.

– Мой кабинет – не проходной двор, прошу помнить. Но я приму к сведению ваши слова.

Ирина Ивановна кивнула. И словно удовлетвовавшись достигнутым, тотчас отошла – наводить страх на штабных машинисток.

А приказов и впрямь печаталось немало. В такие наступления Красная армия ещё не ходила – безумный рывок Антонова-Овсенко не в счёт. Да и царская не ходила тоже – чтобы не одна дивизия, не один корпус, а сразу пять армий, два фронта, друг другу навстречу! С турками воевали в Болгарии – и то ничего подобного не случалось.

Всем полкам точное место задай, укажи. Марш организуй. Вагоны выдели. Погрузку-выгрузку. Чтобы паровозы имелись. Чтобы огнеприпасы подвезли. Чтобы сухари отпустили в

достаточном количестве, и крупу, и сало, ещё царскими запасливыми генералами заложенные на хранение.

Ирина Ивановна сидела одна в оперативном отделе, пальцы так и порхали над клавиатурой «ундервуда». Пачка свеженапечатанных приказов быстро росла.

Вечером вновь появился Лев Давидович Троцкий. Был товарищ народный комиссар бодр, весел, как всегда, энергичен и не сомневался в успехе. Стоял, заложив руки за спину, негромко насвистывая что-то себе под нос, разглядывал карту, на которой отмеченный синим клин Добровольческой армии глубоко врезался в территорию Советской России, остриё почти достигло Воронежа.

Но зато фланги открыты. Лучшие части добровольцев – на острие, по бокам же – полки из мобилизованных, из бывших пленных, в общем – «силой поставленные на службу гидре контрреволюции». Их смять нетрудно будет, это не те, что окружили в Юзовке Южармию!

Ирина Ивановна вышла из комнаты оперативного отдела с пачкой свежих приказов. Все – с грифом «секретно».

– Товарищ народный комиссар, вы приказали подать вам на подпись последние распоряжения...

– Именно, – Троцкий вальяжно устроился за столом. – Товарищ Сиверс! Вы эти приказы лично составляли?

– Лично составлял. Со всем штабом.

– Значит, понимаете свою за них ответственность. – Лев Давидович обмакнул перо в чернильницу, занёс над первым из выложенных перед ним Ириной Ивановной документов – ни дать ни взять художник, готовый положить на холст финальный мазок.

Вообще-то ответственность была на том, кто ставит подпись, но об этом товарищу народному комиссару никто напомнить не решился.

– Понимаете свою ответственность, – продолжал разглагольствовать Троцкий. Ему, похоже, очень нравились звуки его собственного голоса. – Наступление надлежит осуществлять с неослабной решимостью. И это важнее даже всех законов военной науки. Нам надо покончить с заразой контрреволюции раз и навсегда. На нас сейчас смотрят пролетарии всех стран и континентов. Победим – и мировая революция не заставит себя ждать, наиболее вероятно – в Германии, Англии и Франции. Не сумеем разгромить врага, будем его отпихивать, терять время – и рабочие Европы, наши товарищи, подумают, что лучше жить и дальше как жили, вырывая у капитала мелкие подачки то тут, то там. Так, мои дорогие красные командиры, дело не пойдёт. Нам нужна не просто победа, нам нужен полный и тотальный разгром белого движения. Нам нужен царь. А выталкивать их медленно, в час по чайной ложке... конечно, кто-то скажет, что, мол, какая разница, если мы всё равно победим? Мы, конечно, победим. Но очень важно, *как* именно мы победим. И сейчас у нас есть всё, чтобы победить сокрушающе, полностью и абсолютно. Упустить такой шанс будет преступлением перед мировым пролетариатом. А преступления подобного рода наша революция не прощает.

Сиверс и все остальные краскомы старательно кивали. Не кивал один лишь Бешанов, обводя собравшихся нехорошим взглядом. Особенно злобно он пялился на товарища Шульц. И не напрасно.

Лев Давидович, закончив пламенную речь, принялся наконец подписывать ожидавшие его приказы. Подписывал он размашисто и тоже с явным удовольствием.

– Необходимо понимать, товарищи, – молчать для Троцкого, похоже, было невыносимой мукой, – что каждый из нас отвечает сейчас не только за свой полк, или дивизию, или даже армию. Человечество получило – благодаря нам – величайший шанс избавиться от эксплуатации, неравенства, несправедливости. Мы ввели – директивно – режим военного коммунизма. Товарообмен – вместо купли-продажи. Ибо любые финансовые отношения порождают и тех «специалистов», что будут извлекать из этого прибыль, торговать воздухом. А деньги,

как известно, — даже золотые — нельзя ни есть, ни надеть, и обуться в них нельзя тоже. Не все наши товарищи оказались к этому готовы, даже среди сознательных рабочих. Однако по мере того, как нам удавалось обеспечить главные заводы страны пайковым снабжением по твёрдым нормам, отношение начало меняться. Нашим главным врагом остаётся крестьянство...

Краскомы невольно шевельнулись. Кто-то переступил с ноги на ногу, кто-то поднял руку к затылку.

Троцкий, разумеется, не мог этого не заметить.

— Успокойтесь, товарищи командиры. Слово «враг» здесь означает не то, что принято считать у военных. Пролетариат, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции; для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придётся на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. И нам пришлось это сделать, ибо иначе это никакая не революция, а просто переворот, и буржуазия, приспособившись, при сохранении товарно-денежных отношений в любом виде просто вернёт себе командные высоты в обществе.

Пролетариат же, осуществляя упомянутое мною выше глубокое вторжение в собственность, придёт при этом во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришёл к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране — с подавляющим большинством крестьянского населения — смогут найти своё разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата! Ибо пребывая во враждебном окружении, когда великие державы Европы пытаются использовать нас в своих интересах, мы будем вынуждены идти с ними на те или иные соглашения — следовательно, сохранять какие-то буржуазные порядки. То есть соглашения эти в лучшем случае могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперёд, но подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным только после триумфа пролетариата в важнейших странах Европы. Теперь вам понятно, товарищи, почему так важна ваша полная, стремительная и абсолютная победа?

А за крестьянство, товарищи, не беспокойтесь. Свободный труд на государственной земле — ибо чем крестьяне хуже рабочих? — позволит нам решить все проблемы.

Он размашисто подписал последний приказ в пачке, прихлопнул ладонью.

— Выполняйте ваш долг, товарищи командиры.

На всём тысячевёрстном фронте от Днепра до Дона в эти короткие летние ночи наступило непонятное, пугающее затишье. Добровольческая армия словно бы выдохлась и уже не пыталась нигде атаковать. Напротив, её поредевшие части усердно копали землю, прокладывая траншеи, оборудуя пулемётные гнёзда и позиции артиллерийских батарей.

Обо всём этом красные части старательно докладывали с фронта — и телеграммами, и «секретными пакетами», написанными то аккуратным почерком старого военспеца, то чернильным карандашом не шибко грамотного краскома, выдвинувшегося из самых низов.

— Что это значит? — ломал голову Сиверс, склоняясь над картой, рассечённой паутиной синих и красных линий.

— Ничего необычного, товарищ комфронта, — хладнокровно заметила Ирина Ивановна. — Наступательный потенциал добровольцев выдохся, самые воодушевлённые их части пытаются восполнить потери. Вдобавок не могу не сказать — белые старательно укрепляются на всех направлениях нашего грядущего наступления. Я бы сказала — наверняка не обошлось без сведений из нашего штаба. Или от комдивов. Всё-таки всецело доверять военспецам... особенно таким, как, скажем, комдив Ямпольский...

— У вас есть какие-то сведения по Ямпольскому? — вскинул голову Сиверс.

– Ничего себе «какие-то»! Я ведь, товарищ комфронта, служила в том же корпусе, что и он. Разве вы не смотрели его личное дело? Перед тем как назначить на дивизию?

Сиверс смешался.

– Конечно, смотрел! Но что ж тут такого? Военспецов у нас теперь много. Громадное большинство вполне честно воюют... не без заложников, конечно, но это было необходимо. Тем более что и расстреливать почти никого не пришлось. А верность огромного числа бывших офицеров это обеспечило.

– Угроза, как говорят шахматисты, сильнее её исполнения, – кивнула Ирина Ивановна. – Вот только в корпусе этот Ямпольский был самым что ни на есть ярым монархистом, «За веру, царя и отечество!» орал при каждом удобном случае. Не верю я таким, которые со всем пылом и нашим, и вашим. А сейчас его слушаешь – так чуть ли не старый большевик.

– А вы, товарищ Шульц? – прищурился Сиверс. – Вы не такая, выходит? Вы ж тоже в кадетском корпусе служили!

– Служила. Никогда этого не скрывала. Потому что с детства по лагерям да по гарнизонам. Среди солдат выросла. Отец у меня лямку армейскую всю жизнь тянул, ни чинов, ни богатств не выслужил. А я новобранцев грамоте учила, ещё девчонкой будучи. Так что в кадетский корпус пойти – для меня как продолжение всё той же жизни. От гимназии ничем не отличалось. Такие же мальчишки, только в форму одетые. А вот господин-товарищ Ямпольский до полковника дослужился. Сами понимаете, товарищ Сиверс, этикие погоны не сами на плечи прилетают.

– Ну, то есть никакого конкретного материала у вас на него нет, товарищ Шульц?

– Был бы конкретный материал, так комдив Ямпольский уже именовался бы «бывшим комдивом» и давал показания следователям ВЧК.

– Суровая вы барышня, Ирина Ивановна...

– Я не барышня. Я товарищ комполка.

– Но раз материала нет, *товарищ комполка*, ничего по отношению к комдиву Ямпольскому мы предпринимать не станем. Дивизия его дерётся хорошо. Позиции не сдаёт. Перебежчиков на сторону белых очень мало...

– Воля ваша, товарищ командующий. Мой долг был доложить вам.

– А теперь трава не расти, что ли? – Сиверс изобразил раздражение. – Нет уж, товарищ заместитель начальника оперативного отдела, сказавши «а», говорите и «бэ»! Просто поклёп возводить никому не позволено!

– Есть не возводить просто поклёп! – Ирина Ивановна поджала губы, гордо вскинула подбородок. – Разрешите доложить о развёртывании ударных частей в районе...

Указка её уже скользила по карте.

Сиверс внимательно слушал.

Из дневника Пети Ниткина, июнь 1915

(Записи по-прежнему ведутся с предельной, почти маниакальной аккуратностью. Обязательны даты, дни недели, место. Правда, заполняются страницы чем под руку подвернётся, то карандашом, то пером для каллиграфии. На бумаге – дорогой и качественной, светло-кофейного цвета – появляются разводы и пятна...)

«...Мы не рыли ни траншей, ни окопов. Александровцев отвели с переднего края. И после долгого перерыва все наши роты оказались сведены вместе, в один батальон. Присоединились к нам и бывшие кадеты, сделавшиеся юнкерами, – из Павловского, Александровского, Владимирского училищ. Бывшие наши недруги из возраста, старшего нас на год, теперь с почти-тельностью слушали наши рассказы о прорыве из столицы и спасении Государя. И неудиви-

тельно – мы-то сделались прапорщиками, а они до их пор не имели никакого чина. Забавно было смотреть, как Севка Воротников в обнимку рассказывает со Стёпкой Васильчиковым; правда, на вопросы, куда именно делся их ротный, полковник Ямпольский, бывшая шестая рота (а для нас они навсегда именно «бывшая шестая», когда мы только-только пришли в корпус, будучи «младшей седьмой») – бывшая шестая рота отвечала смутно и неохотно.

Оно и понятно. Слухи, что Ямпольский командует у красных целой дивизией, расходились среди нас, александровцев, всё шире. Поговаривали, что и капитан Шубников тоже среди «военспецов», но этого следовало ожидать. А вот Ямпольский удивил. И удивил нехорошо.

Впрочем, что нам до этого «удивления»? Мы отошли от Икорца, нас сменили пехотные части из мобилизованных Таврической губернии. Силой духа они не отличались, и мы с Фёдором высказали Двум Мишеням своё удивление этим решением. Он же лишь пожал плечами и ответил фразой, которую мы доселе от него ни разу не слыхали: «Начальству виднее, кого на передний край посылать».

Отошла в тыл и кавалерия. Новосформированные 3-й кубанский кавкорпус и 4-й Донской, из восставших казаков Вёшенской и окрестностей, тоже куда-то исчезли.

Мы же наслаждались жизнью, насколько могли. Особенно преуспевал в этом Сева Воротников, оказывая поистине магическое воздействие на юных лиц женского пола, как селянок, так и городских мещанок, помещичьих жительниц, гимназисток и даже – о ужас! – учениц местного епархиального училища!

Многие сами шли к нам с безыскусными рассказами, что, мол, «сперва-то ничего было, обрадовались многие – свобода настанет, а потом-то, охти, что потом-то началось: ни купить, ни продать!.. Батюшку нашего увезли куды-то. Чека и увезла – за пропаганду, грили». Фёдор не удержался, бросил жалобищикам прямо в лоб, что, дескать, хата, которая с краю, первая и гореть начинает. Чему, мол, радовались – вракам, что Государь отрёкся?! Не отрекался он. Какая вам «свобода»? От чего свобода? Ну, попробовали с вз-че-ка пожить, сильно понравилось?!

Фёдора даже Две Мишени пришёл успокаивать. Людям, сказал, надо объяснять и разъяснять. В чём у большевиков сила? В лозунгах, простых и понятных. А что жизнь им не соответствует – так это «происки врагов». Ещё проще, ещё понятнее. Так что пусть их, Федя, сказал полковник (на самом-то деле генерал-майор, но погон генеральских ни за что так и не надевает). Вот мы пришли, торговлю разрешили, деньги у нас настоящие, из столицы вывезенным золотом подкреплённые. Реформа земельная уже объявлена; на заводах – рабочее законодательство, восьмичасовой рабочий день, а больше – только за особую плату, полуторную. Ничего, Фёдор, придут люди ещё в себя, очнутся от красного дурмана...

Хорошо говорил Две Мишени, да только я думаю – не всё так легко и просто. Многим нравилось даже, когда всем поровну, а главное – «богатеев бить!». И против нас – красных впятеро больше. Тут голову поистине сломать надо, пока поймёшь, как же с такой силой справиться. Потому что если не справимся – то кончим, как те...»

Федя Солонов снисходительно взглянул на склонившегося со своим дневником Петю. Ладно уж, пусть пишет. Когда мы победим, для истории пригодится.

Когда мы победим. Если мы победим.

Городок, где они остановились, был, казалось, неотличим от множества таких же, широко разбросанных по великой Руси: главная улица с добротными каменными домами, от рынка до собора, зелень садов, упирающиеся в речной косогор огороды и выгоны, пара трактиров, постоялый двор, гостиница, школа да фельдшерский пункт. На окраинах – маслобойный заводик, мельница, а подле церкви – заросшее сиренью кладбище, лучшее место для свиданий, по мнению Севки Воротникова.

Мало осталось «стрелков-отличников», и прапорщик Солонов набрал новую команду. Уже не Две Мишени – он сам занимался с нею, и не только стрельбой, но и тактикой, «тактикой снайперских пар», как он сам это называл. Александровцы удивлялись странному названию, но лишних вопросов не задавали.

Они просто радовались лету и внезапной тишине, и светлым платьям девушек, и лукавым их взглядам, и колокольному звону, что плыл над городком и заречными лугами, и пузатому самовару в трактире, и свежему хлебу, что зимой и весной «утаили, не дали вывезти аспидам!».

По каплям уходило это время. С венками из полевых цветов на головах у местных красавиц, с мычанием стад, возвращавшихся вечером домой, с гогом гусей, что хворостинками загоняли в птичники босоногие девчушки, – со всем тем, чего, как казалось александровским кадетам, они навсегда лишились, ведь так долго были только снег, да распутица, да заводские трубы и терриконы Юзовки.

Скоро это кончится.

Но пока Севка Воротников обнимается с очередной пассией, Петя Ниткин корпит над дневником, а Фёдор Солонов до немыслимого блеска начищает верную как смерть «фёдоровку», что прошла с ним весь путь от Гатчино до Икорца и далее.

Все ждут.

– Сверим. – Сиверс форсисто поддёрнул манжет, открывая крупные «траншейные» часы. – Девять часов двадцать две минуты.

Штабные послушно принялись крутить и вертеть свои собственные «буре», «мозеры» и «фаберже».

Летнее утро едва успело отгореть, чистое небо не предвещало дождя – ах, какой славный сенокос получился бы! И не жарко, солнце не палит чрезмерно, а травы уже поднялись, уже можно браться за косу-литовку, выходить на добрую работу; не только майский день год кормит, но и июньский, и июльский тоже, когда сметываются высокие стога – чтобы было чем скотине кормиться долгой белой зимой.

Ирина Ивановна Шульц тоже смотрела на часы. Круглый серебряный «мозер», крупные, мужские. Маленькая секундная стрелка завершила круг, минутная легла на половину часа, и земля содрогнулась.

...Артиллеристы-военспецы из Михайловской академии открыли огонь с закрытых позиций. Из столиц и центральных складов доставленные гаубицы в шесть и восемь дюймов изрыгнули огонь, и засуетились вокруг них муравьи-человечки, торопясь загрузить в раскрытые пасти казённых сперва снаряд, затем – пороховой заряд в картузе, словно тщаь насытить вечно голодное чудовище.

Все штабные дружно вскинули бинокли.

На «той стороне», на цепи высот, где укрепились белые, благоразумно не суясь в болотистую низинку, встали чёрные султаны разрывов.

Второй залп... третий... четвёртый...

Эх, весёлая работа, бей буржуев, не жалеи!

Вообще-то говоря, штабу всего Южфронта находится на переднем краю никак не полагось, совсем наоборот. Вот Лев Давидович Троцкий никуда не лез, вернее, лез, только когда было нужно. И, самое главное, *точно знал*, когда именно нужно. Поэтому сейчас он преспокойно пребывал в Харькове, «ожидая добрых вестей», как он выразился.

Порученец его, Бешанов, со своими ухорезами тоже остался при товарище народном комиссаре, а вот Константин Нифонтов, напротив, мрачно сидел сейчас в седле на самом краю строя штабных. На него старались не смотреть – потому что в чёрных петлицах его формы, новой, дорогой и из лучшего сукна, по-прежнему красовались не кубари или шпалы, а одна-

единственная адамова голова цвета серебра. На Ирину Ивановну Константин время от времени бросал странные взгляды – вроде и со злобой, но в то же время и какие-то виноватые.

Никто, ни один краском, товарища Сиверса не исключая, не задал Косте Нифонтову ни одного вопроса – кто он, собственно, такой, в какой пребывает должности и что вообще тут делает, не имея никакого отношения к штабной работе?

В седле Костя сутулился, словно только что выучившись верховой езде, будто и не было всех этих лет в корпусе, с обязательной выездкой, с умением скакать даже и без сбруи.

Но сейчас штабные глядели исключительно вперёд, на разворачивающую атаку «ударных пролетарских частей». На самом деле никакими «пролетарскими» они не были – обычные номерные полки старой армии, лишившиеся своих названий и численных обозначений, получившие новые знамёна да новые петлицы. Многим не хватило латунных треугольников, квадратов или «шпал» на петлицы, и знаки различия просто рисовали краской через трафарет.

Но трафарет или нет, а в атаку они поднялись хорошо, дружно. Пока артиллерия продолжала обрабатывать гребень цепи холмов, пехота одним броском преодолела низину, задержалась, накапливаясь перед решающим натиском.

К Ирине Ивановне подал своего коня Павел Егоров – бывший начальник Харьковского военного округа, а затем – начдив; в начдивы он попал, не поладив с властным и жёстким Сиверсом, однако теперь вот оказался возвращён в штаб – шептались, что по личному указанию товарища Троцкого.

– Всё идёт хорошо, не так ли, товарищ Шульц?

– Всё хорошо, – кивнула Ирина Ивановна. – Белые не ожидали такой мощи нашего огня, это ясно. И не ожидали здесь удара.

– Почему вы так думаете?

– Потому что иначе бы постарались открыть ответный огонь шрапнелью по сосредоточенной пехоте, – показала Ирина Ивановна. – Не надо было им там задерживаться, скопились, замедлились... Грамотный и готовый к отпору противник накрыл бы их прямо сейчас, нанеся нам потери ещё до начала настоящего боя.

– Хорошо б, кабы так...

– Да вы сами посмотрите, товарищ член военного совета.

И точно – артиллерия была теперь куда-то в глубину, накрывая тщательно разведанные цели (списки их Ирина Ивановна самолично рассылала командирам-артиллеристам); над головами поднимался воздушный шар артиллерийских наблюдателей, снабжённых телефоном, дабы по прямому проводу корректировать стрельбу.

А пехота красных частей встала во весь рост, взревела дружно старорежимное, но по-прежнему действенное «ура!» и, наставив штыки, устремилась вперёд, прямо вверх по склонам разбитых тяжёлыми снарядами высот.

Белые успели тут укрепиться, но не сказать чтобы так уж сильно, – оно и понятно, разом на всём тысячевёрстном фронте укрепления не выстроишь, и даже колючей проволоки может не хватить.

Вот и здесь – всего один ряд кольев, во множестве мест уже разнесённый тяжёлыми снарядами.

Ожил один пулемёт белых, за ним другой. Бегущие фигурки в зелёном падали, но куда большее число их перемахнуло через колючку, ворвавшись на позиции добровольцев, и пулемёты тотчас захлебнулись.

Новые волны пехоты следовали за первыми, шли густыми цепями, пулемёты молчали, молчали и пушки белых – они имелись на этом участке, стояли на закрытых позициях, но, похоже, были успешно накрыты красной артиллерией.

– Запросите наблюдателей, что с поражением целей пять, восемь и десять? – Ирина Ивановна обернулась к порученцу. Тот по старой привычке козырнул и кинулся к телефонистам.

– Успешно поражены! – доложил вскоре.

Услыхавший это Сиверс довольно кивнул.

– Вскоре и ваш черед настанет, Семен Михайлович.

– Да уж заждались, – пробурчал усатый кавалерист. – Покажем контре этой, что такое красный конник!

– Да чего там показывать, в пустоту войдёте, если разведка нам не врёт, – подхватил Егоров.

– Чего это «в пустоту»? – аж обиделся усатый. – Нам пустота не нужна! Кого рубить станем?

– Спокойно, спокойно, товарищи. Сейчас должны командиры доложиться...

И точно – немного погодя к штабным подвели пару запыхавшихся вестовых.

– Комполка докладывает, что высоты взяли! Беляки сбежали, пулемёты побросав! Винтовки тож! Видать, чтобы бежать сподручнее было!

Штабные хохотнули.

– Карту! – властно потребовал Сиверс.

... – Михайловку, значит, взяли. Новоцыгановку тоже. Соппротивление белых слабое. Очень мало войск.

– Подозрительно это, – вдруг мрачно заявил Костя Нифонтов. Нервно засучил пальцами, словно что-то солил. – Добровольцы всегда насмерть стоят, контратакуют при первой возможности, а тут... постреляли, да и отходят. Трофеев очень мало, пленных совсем нет. Сколько пулемётов взяли, два всего?

– Ничего удивительного, – резко ответила Ирина Ивановна. – Вы хотя бы знаете, сколько у белых всего на фронте войск и сколько – конкретно на этом участке? Или вы считаете, что штаб Южфронта должен был специально выбрать направление, на котором беляки зарылись в землю по самые брови и где у них стоят их лучшие части? Только чтобы вам «трофеи» обеспечить?

Остальные штабные воззрились на товарища Шульца с почти мистическим ужасом. Возражать личной гвардии Льва Давидовича с адамовой головой на петлицах не решался никто.

– Слишком уж легко это у нас получилось, – упрямо бурчал Нифонтов. Вид у него, правда, был весьма затравленный. – Подозрительно. Я доложу товарищу наркому...

– Доложите, – ещё резче бросила Ирина Ивановна. – А заодно доложите, что штаб Южфронта – несомненно, из контрреволюционных соображений, – так выбрал место для прорыва, чтобы тут оказалось как можно меньше войск противника. Чтобы наши полки понесли как можно меньшие потери. Всё это, разумеется, очень подозрительно. Ведь настоящие командиры, всем известно, стараются атаковать наиболее укреплённую позицию врага.

Раздался сдержанный смех. Нифонтов покраснел.

– Правильно, товарищ Шулец! – Сиверс набрался храбрости. – А вы, товарищ Нифонтов, не думайте, что только вы товарищу наркому докладывать можете. Мы такое количество войск не для того собирали, чтобы телами солдатскими все подступы к позициям беляков устилать.

Нифонтов нахохлился, руки его тискали поводья.

– Мы продвинулись на четыре версты, – обвёл штабных взглядом Сиверс. – Беляки не бегут беспорядочно, они стараются отходить, цепляясь за тыловые позиции. Но их тут слишком мало, понятно это вам, товарищ Нифонтов? Вот и Семёну Михайловичу в дело пора. Застоялись, поди, лошадушки-то ваши?

– Как есть застоялись! – ухмыльнулся усач. – Наконец-то, товарищ комфронта! Первая конная дивизия себя покажет, не посрамит пролетарского дела!

Сиверс кивнул.

– Добро. Задача вам известна. А нам пора. Сейчас второй эшелон в дело пойдёт; а Льву Давидовичу мы доложим, что оборона белых прорвана на всю глубину, противник отходит,

оказывая слабое сопротивление в силу ограниченности сил. Надеюсь, на Юго-Восточном фронте, у товарища Егорова, дела идут так же хорошо.

В Харьков, в штаб фронта, все вернулись в приподнятом настроении. Прорвавшиеся части слали бодрые донесения, конная дивизия Будённого пошла дальше – гулять по тылам беляков, пехота, сколько могла, продвигалась даже и в темноте.

Лев Давидович Троцкий встретил их в большом зале, подле огромной карты, на которую расторопные его ординарцы успели нанести положение наступающих полков.

Красные стрелы глубоко и уверенно вонзались в пространство, очерченное жирными синими линиями. Короткими дугами показывалось положение отдельных частей; за день горловина прорыва расширилась до двадцати вёрст.

Правда, не были взяты два городишки у основания прорыва, там беляки отстреливались несколько более бодро, но Сиверс решил городки эти просто блокировать, а ещё лучше – окружить, благо сил хватало. Потом добровольцы оттуда сами уйдут, ну, а если не уйдут – им же хуже.

У Егорова на Юго-Восточном фронте дела тоже шли хорошо, хотя там противник сопротивлялся упорнее.

За сутки получились два клина, глубоко врезавшихся в боевые порядки белых. Конные дивизии продвинулись ещё дальше, и последние рапорты от них были более чем бодр – захвачены железнодорожные станции, перерезаны дороги, белые всюду отходят...

Троцкий поигрывал красным карандашом, склоняясь над картой поменьше, чем висевшая на стене.

– Товарищ народный комиссар...

Все в штабе Южфронта разом обернулись. Сжав кулаки и побледнев, рядом с развалившимся в кресле Бешановым стоял Костя Нифонтов.

– Лев Давидович, Костян тут дело говорит, – Йоська обращался к народному комиссару по военным и морским делам словно к собственному дядюшке. – Что-то легко уж больно у нас всё выходит. У меня так с фараонами случалось. Коль чего идёт как по маслу и даже глаже – жди засады.

Троцкий наблюдал за Бешановым с каким-то почти медицинским удовольствием. И улыбался, словно задавшись целью определить, до чего тот может дойти и что вытерпят штабные командиры.

– Товарищ народный комиссар, – твёрдо сказал Сиверс, – мы не знаем этих людей, не знаем степени их военных познаний, равно как и не осведомлены об их заслугах перед революцией. Секретно-исполнительный отдел пока что отметил в Харькове только лишь расстрелом заложников. Контру, конечно же, расстреливать надо; но геройствовать в подвале, куда приговорённого приводят связанным, это несколько не то, что встретить ту же контру на поле боя, да ещё и при оружии.

– Смело говорите, товарищ Сиверс, смело! – Троцкий усмехался, даже как будто бы одобрительно. – Но ведь наступление и впрямь началось успешно? Как по маслу, не так ли, товарищ Бешанов?

Сиверс не сдавался. Рядом с ним тесно стояли штабные – и «военспецы», и те, кто ещё полгода назад и не помышлял о военном деле. Все – сильные мужчины не робкого десятка, все при оружии. И Сиверс решился.

– Очевидно, *гражданину* Бешанову больше пришлось бы по нраву, если бы мы сейчас умывались кровью, так?

– На понт не бери, начальничек. – Бешанов не сменил позы, так и сидел, развалясь, в своём кресле. – Говорю тебе, Сиверс, я подлянку фараоновскую за три версты чую.

– Товарищ народный комиссар! – Сиверс вытянулся в струнку, рядом с ним так же встали по стойке «смирно» кадровые военспецы, а после мгновенного колебания – и остальные красные командиры. – Я не знаю, в каком качестве здесь пребывает этот *гражданин*, – комфронта вновь сделал акцент на слове «гражданин», – и почему он позволяет себе подобное. Если вы, товарищ народный комиссар, самолично утвердив своей подписью приказы штаба Южфронта, недовольны мною как его командиром – снимайте с должности, но терпеть выходки этого... этого уголовника я не намерен!

Бешанов нагло закинул ногу на ногу, покачивался до блеска надраенный сапог. Гневные словеса Сиверса его нимало не задели и даже не взволновали.

– Вы, товарищ Сиверс, прямо как и не большевик, не красный командир, – Троцкий улыбался. – Товарищ Бешанов не «гражданин», а начальник секретно-исполнительного отдела ВЧК; и здесь он со специальным заданием: проверить, не работает ли тут разведка белых, нет ли здесь их агентов.

– Агентов искать, бесспорно, следует, товарищ нарком, – спокойно сказала вдруг Ирина Ивановна. – Вопрос только в том, где именно их искать и как. Мы вот, например, с товарищем комфронта проверили всю организацию секретного документооборота, усилили контроль за вольнонаёмным персоналом...

– А с тобой мы ещё поговорим! – Бешанов вдруг резко поднялся. – В Питере разговора не вышло, ничего, здесь закончим!

– Тихо, – негромко сказал Троцкий, и – удивительное дело – Бешанов мгновенно осёкся. – Не горячитесь, товарищи. Большевик – это прежде всего холодная голова. Товарищ Сиверс! Вам самому успех первого дня не кажется подозрительным?

– Никак нет, товарищ нарком!

– Почему? У Егорова на Юго-Восточном такого глубокого прорыва нет.

– У Егорова казачьи земли, он прямо в области Вёшенского мятежа наступает. Ясно, там из-за каждой стрехи в спины палить будут. А у нас здесь области русские, крестьянские. Они продразвёрсткой хоть и не шибко довольны, но беляков ненавидят, – Сиверс говорил уверенно, с напором. – Это раз. Второе – не знаю, как Егоров разведку у себя поставил, а вот у нас товарищ Шульц, хоть и зам по оперативному разделу, но разведкой занималась самолично, множество ценных сведений было собрано!

– Это как же? – заинтересовался Троцкий.

– Нет, за линию фронта я не ходила, товарищ нарком, – товарищ Шульц позволила себе лёгкую, почти незаметную улыбку. – А вот с бабами говорила. Бабы, они сейчас туда-сюда шмыгают, тут что-то продадут, там на что-то сменяют, здесь что-то купят. Мужики-то большей частью или дома сидят, или в армии...

– В какой? – тотчас перебил Лев Давидович.

– В обеих, товарищ нарком, – Ирина Ивановна оставалась очень спокойна. – Куда мобилизовали. Вот бабы и бегают. Всё видят, всё слышат. И языками мелят, само собой. Вот мы баб-то и слушали. Потом, конечно, перепроверяли, слухи отсеивали, выдумки, прочее... Вот и нашли слабое место!

– Значит, местное население, раз. Разведка, два. Что ещё, товарищ Сиверс?

– Артиллерийское наступление, товарищ нарком. Собрали все тяжёлые орудия в один кулак. Аэростат подняли, с наблюдателями. И накрыли все выявленные разведкой цели. Товарищ Буденный вот докладывал – батареи у беляков разгромлены нашим огнём, много побито и брошено!

– Учёт трофеев ведётся?

– Так точно, товарищ нарком. Только с тех трофеев толку немного – обломки одни. Что сгорело, что осколками посеколо.

– То есть орудия белые не бросили?

– Исправных совсем мало. Всё остальное только на лом и годится.

– У царских войск плохо с артиллерией, – вступила Ирина Ивановна. – Поэтому ясно, что орудия они спасали любой ценой.

– Возможно, возможно... – бормотал Троцкий, вглядываясь в карту. Прерывистые красные линии оказались глубоко в белом тылу, окружение грозило всей воронежской группировке противника.

– Чего они ждут, спрашивается?

– Надеются нас остановить на тыловых рубежах, потому так быстро и отходили – чтобы подтянуть резервы. Воронеж им необходим как ступенька для наступления на Москву, за него они будут драться.

– Что ж, нам их упорство на руку, – заключил нарком. – Товарищ Сиверс! Вы готовы к развитию успеха?

– Так точно, готов, товарищ Троцкий. Однако...

– Никаких «однако»! Если бы мы колебались и медлили перед октябрьским переворотом, ничего бы у нас не вышло. Зиновьев и Каменев нас, помнится, запугивали, дескать, в столице у Временного собрания и немецкие части, и юнкера, отлично вооружённые, готовые драться, и казаки, и гвардия может вырваться из стрелнинского окружения – нельзя, мол, выступать! Но мы их не послушали, да, не послушали! Действовали смело, решительно и добились полного успеха. Вот и вы тоже – не медлите, углубляйте прорыв, вводите резервы, сейчас не до сбережения чего бы то ни было! Преступлением перед революцией будет упустить такой шанс!

– Безоглядное продвижение вперед без должного закрепления на позициях... – начал было Сиверс, но Троцкий лишь отмахнулся.

– Медлить нельзя, товарищ комфронта, понятно вам это или нет? Нельзя! Белые вот-вот сообразят, чем им грозит наш прорыв, поймут, что нас уже не остановить, и начнут отход от Воронежа, выскальзывая из нашего капкана. Это, конечно, тоже будет успех – отбросить их на юг. Но не тот успех, что нам требуется!

– Вас понял, товарищ нарком.

– Что-то быстро вы согласились, – Троцкий пронзил Сиверса взглядом. – Небось думаете, мол, пусть начальство это уедет, а мы тут сами обделаем, как считаем нужным? Нет уж, дудки! Никуда не уеду, буду следить! Егоров на востоке отстаёт... Так что от вас теперь зависит куда большее, чем вам казалось. Наступление вести со всей пролетарской энергией, яростью и отвагой! Все резервы – в дело! К чему они нам, если белые отступят, вырвутся из ловушки? Теснить силы контрреволюции на юг мы сможем и так. Но надо не выталкивать их, а окружать и уничтожать! Чем решительнее будут наши победы, тем внимательнее и пристальнее станет мировой пролетариат смотреть на нас, тем скорее он сам убедится в действенности вооружённой борьбы за свободу и тем скорее вспыхнет мировая революция!

Закончил речь свою товарищ нарком словно на митинге – стоя, взнеся сжатый кулак и обводя всех собравшихся огненным взором. Говорить Лев Давидович умел. Не сбивался, не мямлил, не тянул – фразы лились потоком, без малейших сбоев, как по писаному.

И в следующие дни товарищ Троцкий, появляясь в штабе, неизменно выступал с горячими речами. Правда, Бешанов с ним теперь не появлялся. Говорили, что он сидит безвылазно в здании Харьковской ЧК, держа при себе для поручений коменданта Фукса и командира расстрельного взвода Саенко; а вот Нифонтов постоянно отирался в штабе фронта, без каких-то ясных полномочий и дел. Красные командиры, даже и те, что из пролетариата, его сторонились, военспецы смотрели с брезгливостью.

Ирина Ивановна печатала очередную пачку приказов, когда Нифонтов вдруг возник на пороге её отдела (именно её, потому что начальник одного так в штабе и не появлялся, занятый какими-то особо секретными и одному товарищу Троцкому известными вещами).

Костя отпустил жидковатые усики, носил щегольские сапоги на изрядном каблуке, чтобы казаться выше и значительнее, и был перетянут ремнями, словно красotka корсетом, – справа «маузер», слева шашка.

– Где сегодняшние донесения от передовых отрядов? – поинтересовался он голосом, что, наверное, ему самому казался сильным, властным и значительным. – Мне сказали, что вы забрали их все. Дайте, мне они нужны.

Ирина Ивановна не подняла головы. Пальцы её с прежней скоростью порхали над клавишами.

Нифонтов побагровел.

– Я задал вам вопрос!

Ирина Ивановна продолжала печатать.

Костя, казалось, заколебался. Но уже миг спустя рот его сжался в некрасивую бледную черту, правая рука легла на кобуру.

– Встать, сука! – почти завизжал он. – Документы сюда! Я приказываю!

Ирина Ивановна перестала печатать. Пальцы Нифонтова дёрнули кожаный клапан кобуры, однако прямо в лицо ему вдруг уверенно глянул чёрный глазок пистолетного дула. Верный как смерть «люгер», 9 миллиметров.

– Руки!.. – скомандовала Ирина Ивановна.

И тут Костя Нифонтов сделал самую большую глупость, какую только смог.

Рук он не поднял. Рванулся в сторону, но не вправо от Ирины Ивановны, а влево, так что кисти её надо было сделать совсем небольшое, почти незаметное движение. Пальцы Нифонтова уже сомкнулись на рубчатой рукояти «маузера», но такое страшилище из огромного деревянного футляра (могущего служить ещё и прикладом) в один миг не выхватишь.

«Люгер» грянул, в замкнутом помещении вышло особенно громко. Раз и второй, полетели слегка дымящиеся гильзы.

Костя с воплем грохнулся на пол, галифе быстро темнели от крови.

Ирина Ивановна вскочила, ствол смотрел Нифонтову в голову.

На грохот стрельбы в кабинет вбежали люди, охрана штаба, краскомы, затем и сами Сиверс с Егоровым, пистолеты уже наготове.

– Что такое? Что тут случилось?

– Подверглась нападению вот этого, – небрежно кивнула Ирина Ивановна на корчившегося Костю. – Была вынуждена защищаться. Предложила ему поднять руки и прекратить глупости, однако понимания не встретила. Пришлось стрелять. Как видите, товарищи командиры, могла бы легко его прикончить, но не стала. Отправила ему по пуле в мякоть ног.

Над Нифонтовым уже склонялись, кто-то наспех начал перевязывать раны.

– Только этого нам и не хватало, – чертыхнулся Сиверс. – Товарищ Шульц! Неужто нельзя было как-то иначе...

– Нельзя, товарищ комфронта, – твёрдо ответила Ирина Ивановна. – Поинтересуйтесь у этого гражданина, зачем он сюда явился и что от меня требовал. А требовал он ни много ни мало все последние донесения от наших передовых частей, совершенно секретные сведения! Не удивлюсь, что на самом деле никакой это не сотрудник соответствующего отдела нашей славной ВЧК, а агент разведки белых!

Меж тем явились и санитары с носилками; стонущего Костю уложили на них, понесли прочь. «Маузер» его так и остался на полу, а как он оказался снят – никто даже и не понял.

Сиверс мрачно молчал, мял подбородок; Егоров скривился, потирая щёку, словно его мучила сильнейшая зубная боль. Остальные штабные лишь переминались с ноги на ногу да чесали в затылках.

– Что с вами, товарищи? – Ирина Ивановна обвела всех строгим взглядом, словно в классе кадетского корпуса. – Чего вы боитесь? Вы, красные командиры? Мы с вами воюем

за новую жизнь, за счастье народное, за мировую революцию – и что же, нам теперь бояться одного уголовника и одного нервного, растерявшегося и сбитого с толку мальчишку, моего бывшего ученика, кстати?

Все отводили взгляды.

– Или вы боитесь товарища наркома? – усмехнулась Ирина Ивановна. – Понимаю. Лев Давидович может...

– Лев Давидович таки может таки что? – вдруг раздалось от дверей.

В проёме застыл сам товарищи народный комиссар по военным и морским делам. Рядом с ним мелко суетился Бешанов – именно «мелко суетился», у него всё время двигались руки, бёдра, плечи, он словно порывался бежать сразу во все стороны разом.

Сам же Лев Давидович говорил с нарочитым акцентом одесского Привоза, хотя обычно речь его отличалась правильностью и чистотой, на зависть любому выпускнику историко-филологического факультета.

– Товарищ народный комиссар может принять решительные меры, основываясь на революционном понимании текущего момента, – Ирина Ивановна не опустила взгляд.

Троцкий медленно вошёл в кабинет, за ним следом мелко трусил Бешанов, непрерывно потирая руки.

– Что здесь произошло, товарищ Шульц? Почему вы стреляли в моего сотрудника?

– Человек в форме с неуставными знаками различия, который по должности никак не обязан здесь находиться, непонятно зачем и непонятно почему пребывающий в здании штаба фронта, явился ко мне, в недопустимой форме потребовав предоставления ему совершенно секретных сведений. Полагая, что тем самым он сводит со мной старые счёты, я не стала отвечать. Тогда он перешёл на крик, грязно оскорбил меня. Схватился за «маузер». Я его опередила и, наставив пистолет, потребовала поднять руки. Он не подчинился, бросился в сторону; мне пришлось применить табельное оружие. Стреляла я аккуратно, с целью лишь обездвигнуть, а не нанести ранения, несовместимые с жизнью.

Бешанов прямо-таки прожигал Ирину Ивановну ненавидящим взглядом, но поперёд товарища народного комиссара лезть побаивался. За спиной Троцкого маячила ещё тройка крепких молодцов, смотревших на наркома, отнюдь не на Йоську Бешеного.

– Того, что это *мой* человек, вам было недостаточно, товарищ Шульц?

– Недостаточно, товарищ народный комиссар. Социализм, как учит нас товарищ Ленин, – это учёт и контроль. До меня так и не были доведены ни обязанности, ни полномочия гражданина Нифонтова. Я даже не знала, в какой он должности и почему я обязана ему подчиняться. Есть порядок работы с секретной документацией. И её я не могу безоглядно выдавать кому попало.

– Вот как? А если бы документы эти затребовал я?

– Я бы предложила бы вам ознакомиться с ними в соответствующем помещении, ни в коем случае не допуская выноса никаких материалов под грифом «секретно» или даже просто «особой важности», не говоря уж о «совершенно секретно». Но это вы, товарищ Троцкий. Ваши функции мне понятны. А что здесь делает гражданин Нифонтов – мне абсолютно не ясно.

– Выполняет мои указания!

– Он не предъявил мне вашего письменного приказа, товарищ народный комиссар. Не сослался даже на ваше «устное распоряжение». Но в любом случае ни приказы, ни указания, ни распоряжения, кто бы их ни отдал, не могут идти вразрез с правилами работы. Секретная документация зовётся секретной не просто так. Когда на карту поставлен успех важнейшей стратегической операции, мелочей быть не может.

– Да контра она, контра! – в наступившей тишине раздался особенно громко яростный шёпот Бешанова.

– Спокойно, Иосиф. – Троцкий даже не глянул на своего подручного. – В словах товарища Шульц есть резон. Подобная смелость мне импонирует. Товарищ Нифонтов, конечно, не должен был ничего требовать. Однако мы все, и я первый, должны знать о положении на фронте.

– Нет ничего проще, товарищ нарком. Я или любой другой штабной командир готовы в любой момент исчерпывающе доложить вам обстановку.

– Не только, товарищ Шульц, не только... – Троцкий обходил её медленным шагом – словно акула, кружащая вокруг жертвы. Бешанов следовал за наркомом как приклеенный. – Я обязан знать, в какой степени все преданно делу революции. И для этого буду применять все необходимые меры.

– Несомненно, товарищ нарком. И моя преданность делу революции как раз и заключается в том, чтобы следовать порядку, а не крайне подозрительным указаниям крайне подозрительных личностей, как тот гражданин, которого мне пришлось ранить. Я уже высказала товарищам краскомам – не является ли он агентом разведки белых?

– Кто, Костя? – рассмеялся Троцкий. – Да вы шутите, товарищ Шульц.

– Почему же нет? – невозмутимо возразила Ирина Ивановна. – Нифонтов – из дворян, его отец служил в гвардейском полку, в Волынском...

– Волынский полк? – перебил Лев Давидович. – Да он же одним из первых поддержал нашу революцию!

– Поддержал, перейдя на сторону победителей, – парировала Ирина Ивановна. – Не припоминаю его среди штурмовавших Таврический.

Отчего-то это неимоверно развеселило товарища наркома.

– Остроумно, товарищ Шульц, остроумно. Значит, таким сложным образом белые внедрили своего агента в непосредственное окружение народного комиссара по военным и морским делам?

– На месте белых я бы не пожалела никаких средств и сил, чтобы внедрить своего агента в ваше непосредственное окружение, – ровным голосом ответила товарищ Шульц. – И чем безумнее биография, тем лучше.

– Вот как у вас? – хохотнул Троцкий. Штабные командиры замерли.

– Да, вот как у меня, – не смутилась Ирина Ивановна. – И должна вам сказать со всей откровенностью, товарищ нарком, – мне приходится днём и ночью делом доказывать свою преданность революции. Спросите вот хотя бы товарища Ягоду. А о последнем времени – товарища Сиверса. Или товарища Апфельберга.

– Товарищ Апфельберг, конечно, очень талантливый сотрудник, но, увы, подвергся в последнее время моральному разложению с одной пригожей казачкой, правда, должен признать, очень пригожей казачкой, – усмехнулся Троцкий. – Что ж, товарищ Шульц! На будущее нам всем урок. Иерархии командования надлежит выстраивать чётко. А ваш доклад мы, несомненно, заслушаем... Спокойно, спокойно, Иосиф, я же сказал! Слушаем доклад товарища замначальника оперативного отдела.

– Слушаюсь, товарищ нарком, – Ирина Ивановна как ни в чём не бывало взяла указку и пошла к висевшей на стене карте. – Согласно последним поступившим донесениям, наши авангарды достигли рубежей...

Из дневника Пети Ниткина, июнь 1915

«Не успели мы стать батальоном, а пришёл приказ о разворачивании в полк. Рывок наш к Воронежу не прошёл незамеченным; со всей России пробирались добровольцы – старшие кадеты выпускных возрастов, юнкера, военгимназисты; и оказалось, что многие (если не все) знают о нас, о том, что мы «Государя спасли». И просились специально к нам.

А потом на фронт приехал и сам Государь. Да не просто так...»

Батальон александровских кадетов стоял в парадном строю. Почищена чёрная форма, надраены сапоги, сияют верные «фёдоровки». Щёки Севки Воротникова в свежих порезах от неумелого бритья. Идёт вдоль сверкающей штыками шеренги Две Мишени, и на плечах у него – по-прежнему полковничьи погоны.

Импровизированным плацем послужил деревенский выгон за околицей. Обитатели сбегались все, от мала до велика, мальчишки облепили деревья и крыши, мужики с бабами приоделись, замелькали алые праздничные платки с рубашками.

Все глядели на ведущую к станции дорогу.

Глядели, глядели, солнце поднималось выше, начинало припекать.

Фёдор Солонов стоял на правом фланге, рядом с офицерами батальона.

Ждал, как и все. Ждал, а живот так и сжимался от волнения.

И когда уже казалось, что «никогда ничего не случится», на дороге появились всадники, а за ними – сразу три автомобиля, да не простых, а полугусеничных.

Фыркая мощными моторами, покатили прямо к строю батальона.

Остановились.

И все александровцы как один, неважно, из самого ли корпуса, или из юнкеров, или даже из примкнувших в последнюю неделю военгимназистов, грянули «Боже, царя храни».

Без оркестра. *A capella.*

Адъютант распахнул дверцу машины. Государь тяжело поднялся во весь рост, спустился на землю. В руках он держал что-то вроде большого зонта (очень большого зонта). За ним следом сошли наследник-цесаревич Николай Александрович, брат его Михаил, а из второго автомотора, почти упёршегося носом в первый, одна за другой выходили девушки, но не разряженные, не в платьях, а в строгих накидках сестёр милосердия с красными крестами на белых косынках.

Фёдор подумал, что вот прямо сейчас он провалится сквозь землю.

Великие княжны скромно остановились. Государь же с сыновьями шёл прямо к замершему строю александровцев.

Остановился он прямо напротив Фёдора – бывшие кадеты составили первую роту батальона. Выпрямился, расправил плечи – однако Федя видел, как сдал Государь. Ввалились глаза и щёки, и во всём, даже в осанке, ощущался какой-то надлом; Государь боролся с ним как мог.

И сейчас, стоя перед строем поющих гимн мальчишек и юношей, он словно бы вновь стал прежним, как на портретах да старых фото – времён турецкой войны.

Две Мишени, отбивая шаг, встал во фрунт, вскинул руку к козырьку, доложил звенящим голосом, словно и не боевой генерал, из одного лишь странного упрямства носящий погоны полковника, но зелёный прапорщик, только-только из юнкеров.

Государь кивнул.

– Вольно, сыны мои...

Совсем не уставные слова прозвучали. Слова не императора, но и впрямь усталого, жизнью битого отца семейства.

– Вольно, храбрецы. Давно собирался к вам, да негоже с пустыми руками являться, а скоро только сказка сказывается. Но вот и готово то, с чем и царю не стыдно перед такими героями появиться. Недолго вам в батальонах ходить, ныне и присно будет вам имя – Первый отдельный стрелковый государя Александра Третьего полк. Александровцами вас и так кличут; значит, таково и имя ваше будет. И вручаю вам знамя. Не простое – внучки мои, считай, всю зиму над ним спины гнули, пальцы иглами кололи. Самолично вышили...

Цесаревич с великим князем Михаилом помогли отцу снять серый чехол.

Потёк светло-коричневатый, словно икона, нежный шёлк. Дрогнул, распустился, замер.

Глянул на застывшие шеренги батальона – впрочем, уже полка! – образ Спаса Нерукотворного. Строго глядят глаза, нимб распустился дивным цветком; поверху знамени вышито «Съ нами Богъ», а понизу – «Вѣра и Вѣрность».

Государь говорил ещё. О том, что они, александровцы, теперь все, считай, его крестники. О том, что они не посрамят ни имени своего, ни тех, кто пал в борьбе и кто уже с небес смотрит на товарищей своих, продолжающих бой.

А потом Две Мишени, опустившись на колени, поднёс к губам шёлк знамени, высоко его поднял; грянуло многоголосое «ура!», а у Фёдора Солонова защипало в глазах.

– Но это не всё. – Государь сделал знак цесаревичу. Тот кивнул, шагнул к Аристову, державшему новый стяг.

– Спасение августейшей семьи первой ротой александровцев – за подвиг тот причисляется полк ко гвардии и носить будет на знамени своём ленту ордена святого Георгия...

Чёрно-золотая лента, свернутая причудливым бантом, прикрепляется к древку. На одном конце – кованый вензель государя, на другом белый Георгиевский крест. И надпись – положенным полууставом: «За спасение Государя, 29 октября 1914».

И вновь – троекратное «ура!».

...А потом Фёдор сам не помнил, когда прозвучала команда «вольно!», уже после того, как прошли церемониальным маршем мимо императора и его близких; помнил только, когда рядом с ним вдруг оказалась великая княжна Татиана – и они пошли рядом, у всех на виду, туда, где накрыты были столы под белыми скатертями, и дымились самовары, и стояли корзины с белыми калачами, с печатными пряниками да иными заедками.

– Вот и встретились, Фёдор Алексеевич...

– Вот и встретились, ваше высочество...

– Татиана. Просто Татиана.

– Тогда и я просто Фёдор.

Смотрел ли кто на них, нет – Федя сказать не мог. Только никто к ним не подступился, никто не помешал, а они двое всё говорили и никак не могли наговориться. От Юзовки и пленного Антонова-Овсеенко до Икорца и последних боёв. О том, как прорывались к восставшим под Миллерово. Как дроздовцы хотели расстрелять пленного комиссара и как Две Мишени не дал им этого сделать.

Обо всём рассказывал Фёдор Солонов, и слова его текли вешними водами, легко, свободно, словно от века так было.

И Татиана говорила тоже – о том, как днюет и ночует с сёстрами в госпитале, как учится на ходу у лучших докторов и многое уже сама может, хоть и не сживала на лекциях медицинского факультета.

– Ничего, – сказал Фёдор. – Кончится война – и не придётся вам по палатам госпитальным маяться...

Татиана вдруг словно угасла, погрузнела, вздохнула.

– А я вот не хочу, – шепнула вдруг. – Знаю, грех это великий... сама Господа молю да Богородицу, что ни вечер, за нашу победу. А только в госпитале, с ранеными – нужна я им, не княжна великая, а сестра, сестрица, что помощь подаст. Вот это правильно, вот это хорошо. А на балах плясать... нет, как отрезало. Сестры смеются, мол, в монашки собралась, Татиана? А я не в монашки, я во врачи собралась. Ну и что, пусть сейчас там почти одни только мужчины... Я не хуже смогу...

– Сможете, – убеждённо сказал Фёдор. – Обязательно сможете! Только так и никак иначе!

Конечно, сможет, вдруг подумал он. Сможет, всё сумеет, сдюжит – потому что не будет лежать в той яме жуткой, как *там*, как у *тех*.

И – неловкое молчание. Только тут Фёдор вдруг осознал, что слишком многие пристально смотрят на них – и друзья-товарищи, и великие княжны, сёстры Татианы Николаевны, и наследник-цесаревич, отец её, и даже сам государь.

И она поняла это тоже, щёки заалели, сделавшись словно красный крест на белой косынке.

– Простите, Фёдор... – пролепетала, пальцы судорожно переплелись. – Я... мне надо...

– Конечно, Татiana Николаевна, – Фёдор слегка поклонился. – Я тоже... пора мне...

Ему было совершенно не «пора», но требовалось же что-то сказать!

– Пишите мне, – шепнула Татiana на прощание.

Федя лишь молча кивнул.

Друзья встретили его понимающими взглядами, а бесхитростный Севка Воротников от души хлопнул по спине, да так, что далеко не слабосильный Фёдор едва устоял.

– Ну, Слон, ну, молодец! Значится, куда я тут по гимназисточкам, ты, значит, по великим княжнам собрался!..

– Заткнись, Ворот, – огрызнулся Федя. – Чушь не носи!..

Надо отдать Севке должное – был он при всей своей силе совершенно незлобив, даже и не подумал обижаться на приятеля.

– Ладно-ладно, не буду, не сердчай.

– Да, вот именно, не надо, – встрял Лёвка Бобровский. Но взгляд на Фёдора кинул такой многозначительный и с уважением, мол, «ну, даёшь, бродяга!».

А понимающий всё Петя Ниткин промолчал. Только вздохнул тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.